

Да обратится твоя ложь
цепями на твоём
языке!

Владимир Давыдов

АКАДЕМИЯ ВЕДЬМОВСКИХ ПРОКЛЯТИЙ

II КУРС

100 сложных и суперсложных
проклятий

Да пожрёт твоя тень силу,
которой ты губишь
других!

Владимир Давыдов
Академия Ведьмовских
проклятий. Второй
курс. Гримуар учебник
магии. 100 сложных и
суперсложных проклятий

<https://litres.ru/74611294>

SelfPub; 2026

Аннотация

Слабо отказаться, когда за тебя уже всё решили? В Академии ведьмовских проклятий второй курс начинается с простой просьбы: назови своё имя. Но Рен едва не узнаёт слишком поздно, что её голос может скрепить обязательство, которого она не принимала. Ада рядом. Живой Гримуар предупреждает об опасности. За воротами их ждут правила, написанные в чужих интересах. Сёстрам предстоит распутать родовые долги, разобраться в подменённых подписях и выяснить, кому нужна их общая сила. Белый и Тёмный контуры позволяют им работать вместе — но дают ли другим право распоряжаться обеими? Пока наставники требуют доверия, а старые документы хранят неудобную правду, даже помощь может оказаться способом

подчинить. Сорок глав, сто сложных и суперсложных формул, магические ловушки и Гримуар с характером. Второй том соединяет историю Ады и Рен с учебным сводом магии их мира. Здесь придётся научиться защищать свою волю, не отнимая чужую. Ведь победить проклятие мало. Нужно ещё понять, чьё решение ты исполняешь!

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. Право на имя	7
Домашние задания	22
Глава 2. Чужая подпись	23
Домашние задания	36
Глава 3. Печать Марвенны	37
Домашние задания	52
Глава 4. Голос за дверью	53
Домашние задания	67
Глава 5. Письмо без голоса	68
Домашние задания	81
Глава 6. Урок собственного голоса	82
Домашние задания	96
Глава 7. Комната четыреста семнадцать	97
Домашние задания	110
Глава 8. Чернила второго слоя	111
Домашние задания	123
Глава 9. Ректорская подпись	124
Домашние задания	137
Глава 10. Чистый лист	138
Домашние задания	151
Глава 11. Мысль, которая возвращается	152
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Владимир Давыдов Академия Ведьмовских проклятий. Второй курс. Гримуар учебник магии. 100 сложных и суперсложных проклятий

Часть первая

Второй курс

Глава 1. Право на имя

«Прежде чем научиться связывать чужую волю, проверь, кому принадлежит твоя».

Из Свода второго курса

Экипаж остановился раньше, чем Ада увидела ворота. Она узнала это место по запаху: мокрые листья, дым западной котельной и горьковатая сырость камня, которую за лето успела забыть. Потом за стеклом мелькнула ограда. На каждом третьем пруте сидела капля дождя, и Рен поймала себя на том, что считает их.

В прошлом году она считала ступени. Тогда ей казалось: если заранее узнать, сколько их, подниматься будет легче.

— Приехали, — сказала Ада.

Рен уже держала дорожную сумку на коленях.

Пальцы Ады легли поверх её руки.

— Ты опять собираешься первой вынести весь багаж?

— Здесь тесно. Если я выйду...

— Рен.

Та посмотрела на неё.

За лето Ада научилась произносить её имя без продолжения. Раньше за ним почти всегда следовала просьба: подать, принести, помочь застегнуть, найти куда-то исчезнувшую вещь. Теперь это короткое слово означало другое. Рен ещё не привыкла.

— Я сама возьму свой чемодан, — сказала Ада.

— У него сломана ручка.

— Значит, буду держать снизу.

— И испачкаешь перчатки.

— Ужасное начало учебного года.

Они улыбнулись, но пальцы Ады остались на её руке до тех пор, пока кучер не открыл дверцу.

На площади перед воротами пахло лошадьми и горячим хлебом из лавки у караульной башни. Под навесами толпились студентки. Первокурсницы стояли рядом с матерями и старались выглядеть старше; третьекурсницы говорили слишком громко и почти не смотрели на родителей. Кто-то плакал за спиной огромного дорожного сундука. Из прорехи в чехле торчала клетка с возмущённой совой.

Ада спустилась на мостовую, подхватила чемодан обеими руками и немедленно наступила в лужу.

Рен ничего не сказала.

— Даже не начинай, — предупредила Ада.

— Я и не собиралась.

— У тебя плечи смеются.

У ворот теперь стоял дополнительный стол.

В прошлом году здесь проверяли письма о зачислении. Сегодня над столом висела узкая медная пластина:

«ПОВТОРНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ МАГИЧЕСКИХ КОНТУРОВ».

Рен остановилась.

Ада проследила за её взглядом. Улыбка исчезла.

— Бабушка говорила о проверках, — сказала она.

— Она говорила о проверках после турнира. Это другое.

За столом сидела незнакомая женщина в серой мантии.

На её левом рукаве поблёскивала эмблема попечительского совета. Перед ней лежали три раскрытые книги, связка ко-
стяных жетонов и маленькая серебряная ложка.

Женщина опускала ложку в чашку, помешивала чай, вы-
нимала — и снова опускала. Рен заметила: ни разу она не
сделала глотка.

Сбоку от стола Корделия Торн застёгивала сумку.

Она увидела девушек и чуть подняла подбородок.

— Наши победительницы.

— Корделия, — ответила Ада.

Та перевела взгляд на Рен. Задержалась на её новой ман-
тии, на простом серебряном значке второго курса.

— Значит, всё-таки оформили.

Рен поправила ремень сумки.

— Оформили что?

— Твоё зачисление. Я думала, после такого происшествия

Совет потребует отдельного экзамена.

— Потребовал, — сказала Рен.

— И?

— Я его сдала.

Корделия открыла рот, потом взглянула на женщину за
столом.

— Здесь лучше отвечать коротко, — сказала она уже другим тоном. — Они записывают каждое слово.

Она ушла, не оглядываясь.

Рен смотрела ей вслед. За лето она часто представляла эту встречу. Придумывала остроумные ответы, холодные улыбки, способы дать понять, что больше не намерена терпеть снисхождение.

Теперь ей почему-то запомнилось только последнее предупреждение.

— Следующие, — позвала женщина.

Ада положила письмо о переводе на второй курс перед раскрытой книгой.

— Адалия Рэйвенвуд.

Серебряная ложка тихо ударилась о край чашки.

— Контур?

— Белый.

— Изменения с момента первоначального поступления?

— Дар пробудился.

Перо в руке женщины заскользило по бумаге.

— Обстоятельства пробуждения установлены комиссией.

Произнесите имя для голосовой сверки.

— Адалия Рэйвенвуд.

Один из костяных жетонов засветился молочным светом. Женщина протянула его Аде.

— Комната четыреста семнадцать. Северное крыло. Следующая.

Рен положила своё письмо.

Женщина не взяла его.

— Сопровождающая?

— Студентка второго курса.

— Имя.

— Ренита Фэрроу.

В раскрытой книге дрогнула строка.

Рен увидела это отчётливо. Чернила, ещё мгновение назад неподвижные, собрались в тонкую тёмную жилку и поползли к краю страницы.

Женщина накрыла строку ладонью.

— Родовое имя?

— Фэрроу.

— Подтверждённая принадлежность к магическому роду?

— Указана в письме.

— Я спрашиваю вас.

Ада поставила чемодан на землю.

— Ренита — моя двоюродная сестра. Подтверждение Марвенны Рэйвенвуд приложено к решению комиссии.

Женщина впервые подняла глаза.

Они были светлые, почти бесцветные.

— Тогда почему студентка называет другую фамилию?

Рен почувствовала, как под воротником становится жарко.

— Потому что это моя фамилия.

— Фэрроу — имя семьи, в которой вы воспитывались. Для регистрации дара требуется имя источника наследования.

— Моё письмо действительно?

— Письмо действительно. Регистрация не завершена.

Из сумки Ады донёсся негромкий скрип.

Гримуар.

Женщина перевела взгляд на сумку.

— Фамильные книги на стол не выкладывать.

Ада медленно подняла её с земли.

— Мы и не собирались.

— Произнесите имя, соответствующее родовому контуру,

— сказала женщина Рен. — После этого вы получите пропуск.

Рен посмотрела на ворота.

За ними виднелась часть внутреннего двора, знакомый колодец, мокрая стена с плющом. В окне над аркой горел свет. Кто-то уже сушил перчатки на каменном подоконнике.

Она столько раз думала, как вернётся сюда студенткой. Не гостьей, не приложением к чужому приглашению. У неё было собственное письмо, подписанное ректором; собственные книги, купленные на деньги за летнюю работу; собственная мантия, которую они с матерью перешивали три вечера.

Нужно было сказать всего два слова.

Ренита Рэйвенвуд.

За её спиной переставляли сундуки. Очередь росла.

— Мы задерживаем остальных, — произнесла женщина.
Рен вдохнула.

Скрип переплёта стал резче.

Она повернулась к Аде.

Та уже расстегнула сумку. Гримуар лежал сверху, между свёрнутым шарфом и коробкой дорожного печенья. На потемневшей коже выступили три бледные буквы.

НЕ...

Ада захлопнула крышку сумки раньше, чем женщина успела встать.

— Ей нездоровится, — сказала она.

— После регистрации сможете обратиться к лекарю.

— До регистрации тоже сможем.

Она взяла Рен под локоть.

— Мы вернёмся.

— Пропускной стол закрывается в шесть.

Они отошли под навес хлебной лавки.

Только там Рен поняла, что у неё дрожат колени.

— Я едва не сказала.

Ада поставила сумку на сухую скамью и раскрыла её.

Гримуар распахнулся сам.

На странице не было ни свитка, ни номера формулы. Всего одна строка:

«Не отдавай имени, пока не прочитала условия».

— Что она хотела сделать? — спросила Ада.

Чернила проступили ниже.

«Я не видел документа».

— Но ты нас остановил.

«Потому что вас торопили».

Рен села рядом с сумкой. От стены тянуло теплом печи. Пекарь за стеклом перекладывал круглые хлебы на решётку, мучная пыль лежала на его предплечьях. В обычности этих движений было что-то успокаивающее.

— А если это просто правило? — спросила она. — Если им действительно нужно зарегистрировать дар под родовым именем?

Гримуар помолчал.

Потом на странице появилось:

«Тогда правило можно прочитать».

— Бабушка должна была знать, — сказала Ада.

Рен посмотрела на неё.

— Может быть, знала.

Ада хотела возразить. Рен увидела это по тому, как напрыглись её губы.

Марвенна вернула им силу. Марвенна помогла получить письмо. Марвенна всё лето отвечала на вопросы — правда, некоторые ответы начинались словами «когда вы будете готовы».

— Давай сначала узнаем, что там написано, — сказала Ада наконец.

— И кто это придумал.

Гримуар одобрительно щёлкнул застёжкой.

— Он опять доволен, — заметила Рен.

— Когда мы неприятности получаем, он всегда доволен.

«Когда вы начинаете задавать вопросы».

Ада закрыла книгу.

Они вернулись к столу через десять минут.

Женщина как раз выдавала жетон высокой девушке с двумя тугими косами. Получив пропуск, та быстро прошла в ворота, но на пороге замедлила шаг и обернулась.

— Вы готовы? — спросила женщина.

— Я хочу прочесть условия регистрации, — сказала Рен.

Ложка перестала двигаться.

— Они утверждены попечительским советом.

— Тогда покажите их.

— Свод правил будет выдан после заселения.

— Меня просят согласиться до того, как я увижу правила.

— Вас просят назвать имя.

Рен указала на раскрытую книгу.

— А что записывает ваше перо, когда я его называю?

Женщина положила ложку на блюдец.

С тихим звоном.

— Ваше право находиться на территории Академии.

— И больше ничего?

Перо над страницей дёрнулось.

Рен заметила. Ада тоже.

Женщина потянулась к костяному жетону.

— Вы можете подать письменный запрос. Ответ предо-

ставляется в течение тридцати дней.

— Они намерены войти сегодня, — произнёс знакомый голос.

Профессор Вейл стояла по другую сторону ворот.

Её мантия промокла на плечах. На правой манжете белел след мела, хотя занятия ещё не начались.

— Добрый день, госпожа Севрин.

Женщина за столом выпрямилась.

— Профессор. Мы проводим утверждённую проверку.

— Я вижу. Покажите приложение к регистрационной записи.

— Этот документ предназначен для комиссии.

— Я вхожу в учебную комиссию.

— Не в попечительскую.

Вейл подошла ближе.

— На прошлой неделе ректор письменно запретил оформлять обязательства студенток без предварительного ознакомления. Приказ номер сорок шесть. На обороте — моя подпись.

Севрин не двигалась. Очередь за спинами девушек притихла.

— Вам нужна копия приказа? — спросила Вейл.

Женщина вынула из-под раскрытой книги тонкий лист и положила его на стол.

Ада первой наклонилась над ним. Строки были мелкие. Некоторые слова читались только под углом, будто бумагу

покрывали двумя слоями чернил.

Рен нашла своё имя.

Ниже стояло:

«При наличии неустойчивого совмещённого контура право на его временную изоляцию передаётся...»

Дальше почерк сужался.

— Кому? — спросила она.

Севрин протянула руку к листу.

Вейл удержала бумагу двумя пальцами.

— Хороший вопрос.

Она провела ногтем под строкой. Чернила потемнели, стали чётче.

«...уполномоченному держателю попечительской печати».

Ада подняла голову.

— Что значит «изоляция»?

— Защитная мера, — сказала Севрин.

— В отношении кого?

— В отношении Академии.

Рен смотрела на своё имя в верхней части листа. Теперь она видела то, что сперва приняла за украшение: от последней буквы тянулась тонкая линия к словам о передаче права.

Место соединения оставалось пустым.

Его должен был заполнить её голос.

Вейл отпустила бумагу.

— Выдайте студентке временный пропуск. Без голосового

согласия. Основание — решение о зачислении.

— Я обязана сообщить о её отказе.

— Сообщите о моём распоряжении.

Севрин достала чистый жетон и поставила на нём короткую чёрную черту.

Когда Рен взяла его, костяная поверхность оказалась ледяной.

На этот раз обе прошли через ворота молча.

Во внутреннем дворе пахло мокрым плющом. Из кухни тянуло луком и поджаренным маслом. Над колодцем спорили две первокурсницы, пытаясь заставить ведро подняться без помощи цепи.

Всё было знакомым.

Рен от этого стало ещё тревожнее.

— Профессор, — позвала она.

Вейл остановилась.

— Что случилось бы, если бы я назвала себя Рэйвенвуд?

— Сегодня вы бы спокойно заселились.

— А потом?

Профессор взглянула на ворота.

— Потом выясняли бы, что именно разрешили.

Ада крепче сжала ручку чемодана.

— После Локвуда они должны были проверять преподавателей.

— Проверяют, — ответила Вейл. — А заодно решили проверить всех остальных.

— Но наш общий контур...

— Стал известен людям, которые прежде читали о таком только в старых отчётах.

Вейл перевела взгляд с одной девушки на другую.

— На арене вы смогли объединить силу. Это не означает, что теперь одна из вас вправе отвечать за другую. И не означает, что вы должны объединять её всякий раз, когда вас об этом просят.

Рен посмотрела на Аду.

У ворот та чуть не назвала её родовое имя сама.

Ада опустила глаза.

— Я хотела помочь.

— Знаю, — сказала Рен.

Вейл кивнула на северное крыло.

— Комната четыреста семнадцать. До ужина успеете разобрать вещи. Завтра принести на занятие ваши регистрационные письма. И то, что сохранилось от сегодняшнего пропуска.

— Почему «сохранилось»? — спросила Ада.

— Посмотрите на него утром.

Профессор ушла через боковую дверь.

Поднявшись на четвёртый этаж, девушки некоторое время стояли перед своей комнатой. Рен вставила жетон в прорезь замка.

Дверь открылась.

Внутри было две кровати, два стола и большое окно, выхо-

дившее на крыши служебных построек. На стене темнел прямоугольник от снятого портрета. Кто-то забыл на подоконнике засохший горшок с землёй.

— Здесь светлее, — сказала Ада.

Рен положила сумку на ближайшую кровать.

— И столы одинаковые.

Ада посмотрела на них и вдруг поняла, что именно заметила сестра.

В прошлой комнате второй стол был маленьким, приставным.

Она поставила гримуар между двумя новыми столами.

— Пусть лежит здесь?

— Здесь.

Книга раскрылась.

Несколько секунд страницы шелестели, перебирая знакомые свитки. Затем показался лист, которого раньше не было.

«Свод второго курса».

Ниже медленно проступили две строки:

«Право именованья».

«Право отказа».

Ада наклонилась ближе.

— Начинаем с отказов?

Гримуар не ответил.

Из сгиба выпал узкий клочок бумаги.

Рен подняла его. Лист был тёплым.

На одной стороне сохранился след чёрной печати. На дру-

гой стояла строчка тем же мелким почерком, который они видели у ворот:

«Согласие получено».

Рен перевернула бумагу ещё раз.

— Но я не соглашалась.

Гримуар захлопнулся так резко, что обе отшатнулись.

Изнутри, сквозь закрытый переплёт, донёлся его голос:

— Именно поэтому мы начнём сегодня.

Домашние задания

Для адепки. Проверь запись у ворот: отдели сообщение имени от согласия на передачу права. Укажи, что нужно выяснить до получения пропуска.

Для читателя. Напиши два возможных ответа Рен регистратору. Один должен сохранять возможность поступить, второй — прекращать разговор. Объясни цену каждого решения.

Глава 2. Чужая подпись

«Отказ должен принадлежать тебе так же несомненно, как согласие».

Из Свода второго курса

Ада первой протянула руку к обрывку.

— Не трогай, — сказала Рен.

Пальцы сестры замерли над столом.

— Я только хотела посмотреть.

— Ты уже вписана в регистрацию. Вдруг ему этого достаточно?

Они обе посмотрели на клочок бумаги.

Он лежал между гримуаром и дорожной сумкой. Обычный, чуть пожелтевший, с неровным краем. Только слова «Согласие получено» были слишком чёткими: чернила не расплылись даже там, где по волокнам прошёл разрыв.

— Откуда он взялся? — спросила Ада.

— Из книги.

— Это я видела.

Рен обошла стол, стараясь не задеть бумагу рукавом. От окна пахло сырой штукатуркой и чем-то сладким: под навесом внизу выгружали ящики с яблоками для кухни. Один грузчик ругался, другой смеялся. Их голоса поднимались в комнату, и Рен хотелось, чтобы они не замолкали.

В гримуаре щёлкнул замок.

— Не надо обходить стол, — произнесла книга. — Бумага не кусается.

— Удобно говорить это, когда у тебя нет пальцев, — ответила Рен.

Переплёт открылся.

На странице медленно появилось:

«Подпись — место соединения».

Ада наклонилась, но держала руки за спиной.

— Ты взял это у регистрационного стола?

— Я сохранил след.

— След чего?

— Попытки внести запись.

Рен нахмурилась.

— Значит, на самом деле согласия нет?

Страница некоторое время оставалась пустой.

Потом проступило одно слово:

«Проверим».

Ада выпрямилась.

— Вот теперь мне совсем не нравится.

Из кармана она достала пропуск. Костяной жетон за лето не успел потемнеть; на нём ещё сохранялось ровное молочное свечение.

Рен положила рядом свой.

Чёрная черта, которую провела Севрин, стала длиннее.

— У ворот она была вот такой, — сказала Рен и показала ногтем. — Короткой.

Теперь линия доходила почти до края жетона. На конце образовался крошечный изгиб, похожий на начало буквы.

Ада потянулась к сумке.

— Я позову Вейл.

— Подожди.

— Чего ждать?

— Она сказала посмотреть утром. Значит, знала, что с ним что-то произойдёт.

— Знала — и отправила нас разбирать чемоданы?

В голосе Ады прозвучала такая злость, что Рен невольно оглянулась на дверь.

Раньше Ада сердилась шумно: говорила быстро, ходила по комнате, теребила манжеты. Теперь её раздражение становилось заметно иначе. На стекле окна появилась тонкая белая полоска инея.

— Ада.

Та проследила за её взглядом.

Прижала ладонь к животу, выдохнула.

Иней исчез.

— Прости.

Рен села.

— Давай разберёмся, что именно мы видели. Пока не будем никого обвинять.

— Нас пытались заставить подписать разрешение на изоляцию твоей силы.

— Да. Но мы не знаем, почему эта бумага оказалась в кни-

ге. И почему жетон меняется.

Гримуар негромко скрипнул.

— Что? — спросила Ада.

— Наконец-то вы перестали требовать от неизвестного немедленно стать понятным.

— Ты мог бы помочь.

— Я помогаю. Вы пока не слушаете.

На странице появилось название:

«Формула №201. Непринятая подпись».

Рен провела пальцем по краю стола.

— Это проклятие?

— В умелых руках.

— А в наших?

— Способ отделить ваше слово от чужой записи.

Под названием выступили строки:

«Моим именем чужой воли не скреплять.

Что без меня решено — мне не исполнять».

Ада прочла их про себя.

Рен заметила, как шевельнулись её губы.

— Не произноси.

— Я молчу.

— И не пробуй мысленно. Ты не знаешь, на что это подействует.

Книга одобрительно шелестнула страницей.

Ада села напротив сестры.

— Хорошо. Тогда рассказывай, — сказала она гримуару.
— От начала до конца. Без загадок.

— Эта формула не уничтожает договор. Она размыкает связь между именем и обязательством, если связь установлена без участия носителя имени.

— Если? — переспросила Рен.

— Если. Добровольное обещание она не отменит.

— А если человек сказал «да», но не знал, с чем соглашается?

Буквы на странице остановились.

Снизу проступила короткая помета:

«Требуется разбор условий».

— Вот поэтому, — произнёс гримуар, — на втором курсе вы будете меньше заучивать и больше читать.

Ада устало потёрла лоб.

За окном ударил колокол. По коридору пробежали две девушки, громко выясняя, где выдают постельное бельё.

Рен посмотрела на свой жетон.

Чёрная линия больше не росла. Но изгиб на конце уже напоминал первую букву её имени.

— Нам нужно показать это Вейл, — сказала она.

На этот раз Ада не стала спорить.

Кабинет профессора находился этажом ниже, за дверью без таблички.

Её нашли по запаху мела и по узкому светлому следу на полу: кто-то постоянно выходил из кабинета, наступив в рас-

сыпанный порошок.

Вейл открыла почти сразу.

— Уже?

Ада подняла жетон.

— Вы знали.

Профессор посмотрела на неё, затем на Рен.

— Войдите.

В кабинете стоял холодный чайник. На подоконнике сохли длинные полосы бумаги, прижатые гладкими камнями. У стены была раскрыта дорожная сумка, из которой торчали башмаки в засохшей грязи.

Рен впервые подумала, что Вейл тоже сегодня откуда-то вернулась.

— Я знала, что временные пропуска меняются после прохождения ворот, — сказала профессор. — Они записывают время входа. Именно поэтому попросила сохранить ваш.

Рен положила жетон на стол.

Вейл поднесла к нему лампу.

Её лицо изменилось едва заметно: она перестала щуриться.

— Это не время, — произнесла она.

Ада достала обрывок, завёрнутый в носовой платок.

— А это?

Вейл не коснулась бумаги.

— Где вы его нашли?

— Гримуар сохранил след записи у ворот, — сказала Рен.

Профессор протянула руку.

— Можно?

Рен кивнула.

Только после этого Вейл взяла платок.

Она рассматривала обрывок долго. Потом открыла ящик и достала увеличительное стекло с треснувшей ручкой.

— Я хочу, чтобы вы сейчас обе вспомнили разговор у стола. Дословно, насколько сможете. Особенно всё, что произнесла Ренита.

— Я назвала себя, — сказала Рен. — Объяснила, что студентка второго курса. Спросила, действительно ли письмо.

— Вы соглашались соблюдать правила?

— Нет.

— Подтверждали получение пропуска?

— Я его взяла.

— Словами?

— Нет.

Вейл положила стекло.

— А под воротами?

Рен вспомнила арку. Холодный жетон в ладони. Мокрый плющ.

Потом — столы в комнате.

— Ничего.

— Совсем?

Ада придвинулась к сестре.

— Мы молчали, профессор.

Вейл встала, сняла с подоконника одну из бумажных полос и поднесла к лампе.

На ней был нарисован знакомый изгиб.

— Это образец старой пропускной вязи, — сказала она. — Её сняли с ворот после турнира. Новую проверяли трижды.

— Значит, кто-то вернул старую?

— Или воспользовался её основанием.

Профессор взяла жетон щипцами и повернула боком.

На ребре обнаружилась вторая черта — настолько тонкая, что без яркого света её невозможно было заметить.

Ада наклонилась.

— Это тоже буква?

— Направление связи.

— Куда?

Вейл закрыла ладонью лампу.

В полумраке ребро жетона засветилось тусклым красным светом.

Рен вспомнила чернила у регистрационного стола. Они тоже сначала собрались в жилку, а потом поползли в сторону.

— К другой записи, — сказала она.

Профессор посмотрела на неё.

— Да.

Ада выдохнула сквозь зубы.

— Кому они нас передают?

— Пока никому. Если бы связь была замкнута, ваш жетон

перестал бы открывать двери Академии.

Рен почувствовала, как напрягшиеся плечи немного опустились.

— Значит, у нас есть время?

— Есть. Но я оставляю вас здесь до окончания проверки.

Вейл прошла к двери, повернула ключ и приложила два пальца к замку.

Гримуар, который Ада принесла под мышкой, ожил.

— Не запирайте их без объяснения, Кассандра.

Профессор обернулась.

— В этом коридоре находятся ещё шесть временно заселённых студентов. Я не знаю, какие у них пропуска. Дверь закрою от входа. Изнутри она открывается обычной ручкой.

Книга помолчала.

— Принимается.

— Мне приятно, что вы одобряете устройство моего кабинета.

Рен неожиданно улыбнулась.

Вейл достала лист бумаги.

— А теперь мы составим акт. Ренита, вы подпишете только собственное описание происшедшего. Адалия — свидетельское. Я добавлю результаты осмотра.

— А Формула двести первая? — спросила Ада.

Профессор замерла с пером в руке.

— Книга уже показала её?

Гримуар раскрылся.

Вейл прочла страницу.

— Правильно, — сказала она. — Но применять пока не будем.

— Почему? — спросила Рен.

Профессор указала на красную черту.

— Потому что это наш путь к той записи, с которой пытались соединить вашу.

Ада посмотрела на сестру.

— Приманка?

— Доказательство, — ответила Вейл. — Разница существенная. Никаких действий с вашим контуром без вашего согласия я не произведу.

Она пододвинула Рен чистый лист.

— Если хотите, мы разорвём связь сейчас. Копии и свидетельства останутся. Но источник, возможно, уже не найдём.

Рен посмотрела на жетон.

Потом на обрывок в платке.

Ещё утром ей хотелось только попасть в Академию, разобрать книги и занять собственный стол.

— Сколько займёт проверка?

— Сегодня. До ночного колокола.

— И я всё время буду здесь?

— В кабинете или в комнате под моей защитой. Выбираете сами.

— Здесь, — сказала Рен. — Я хочу видеть.

Вейл кивнула.

Ничего не засветилось. Никакое перо не бросилось записывать её ответ.

Профессор просто спросила:

— Чай будете?

Когда в коридоре стали зажигать вечерние лампы, на столе уже лежали три исписанных листа.

Ада сидела на подоконнике. В руках у неё остывала чашка; она время от времени касалась её пальцем, и чай снова начинал парить.

Рен перечитывала своё объяснение.

Она заменила «меня пытались обмануть» на «мне не предоставили условия до требования назвать родовое имя».

Вейл одобрила исправление.

— Первое вы предполагаете. Второе видели.

Профессор поставила жетон на узкую полоску серебра. Красная черта вытянулась вдоль неё, дошла до края, дрогнула.

— Сейчас, — сказала Вейл.

На чистом листе рядом с серебром выступили буквы.
«УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ДЕРЖАТЕЛЬ».

Рен подалась вперёд.

Ада поставила чашку.

Ниже медленно появлялось имя.

Сначала первая буква. Затем вторая.

Вейл перестала двигаться.

Рен прочла запись дважды, прежде чем решилась произ-

нести вслух:

— Марвенна Рэйвенвуд.

Ада спрыгнула с подоконника.

— Нет.

Она подошла к столу так быстро, что задела стул.

— Это подделка.

Профессор не ответила.

Из гримуара потянуло сухим холодом.

— Это её имя, — произнесла книга.

Ада положила ладонь на стол. Белый свет пробился между пальцами.

— Бабушка никогда бы...

— Уберите руку, — сказала Вейл.

Ада не слышала.

Чернила на листе дрогнули.

Рен схватила сестру за запястье.

— Ада. Ты сейчас уничтожишь запись.

Свет погас.

Несколько секунд слышно было только, как в чайнике у стенки оседает вода.

Рен отпустила её руку.

— Это её имя, — повторила она, глядя на гримуар. — Но мы ещё не знаем, её ли воля.

На странице появились две строки.

Те самые, которые они оставили в комнате непрочитанными вслух:

«Моим именем чужой воли не скреплять.

Что без меня решено — мне не исполнять».

Вейл накрыла жетон стеклянным колпаком.

— Теперь, — сказала она, — у нас есть кому задать вопрос.

Домашние задания

Для адепки. Сопоставь подлинное имя, подпись и волю подписавшей. Составь порядок проверки жетона, не активируя его.

Для читателя. Какие факты заставляют подозревать подмену, а какие пока ничего не доказывают? Выпиши по два примера из главы.

Глава 3. Печать Марвенны

«Подлинная печать подтверждает, чьей рукой сделан оттиск. О намерениях этой руки она молчит».

Из Свода второго курса

— Я напишу ей, — сказала Ада.

Она уже вытащила из сумки дорожную чернильницу. Крышка не поддавалась; Ада крутанула её сильнее, и на пальцы выплеснулись чернила.

Рен подала платок.

— Сначала решим, что спрашивать.

— Я знаю, что спрашивать.

— А я хочу услышать ответ на тот же вопрос.

Ада замерла. Потом поставила чернильницу на стол.

Под стеклянным колпаком костяной жетон едва заметно светился. Красная черта на ребре оставалась неподвижной. От неё до имени Марвенны на бумаге тянулся тонкий след, похожий на царапину.

Вейл достала из шкафа плоскую деревянную коробку.

— Личное письмо пойдёт через канцелярию. Сегодня его уже не отправят. Для служебного запроса есть зеркало.

— Она увидит нас? — спросила Рен.

— Если примет вызов. Сначала я проверю адрес.

Внутри коробки лежало круглое зеркало без ручки. Его серебряная оправа потемнела на одной стороне. Вейл про-

тёрла стекло чистым лоскутом и установила между лампой и гримуаром.

В отражении появилась комната.

Та же самая — только без людей.

Ада отступила.

На зеркальном столе лежал жетон под колпаком. Рядом стояла чашка, из которой никто не пил.

— Не называйте ничьих имён, пока я не закончу, — предупредила Вейл.

Она положила на оправу лист с ректорской подписью. Сверху — узкую бумажную полосу, снятую с подоконника.

Отражение помутнело. Стол исчез, уступив место ряби.

— Проверка исходящей связи, — произнесла профессор.

На стекле проступили три маленьких светлых круга.

Первый погас.

Второй погас.

Третий удержался.

Вейл дождалась, пока он станет совершенно неподвижным.

— Теперь можно.

Ада подошла ближе.

— Марвенна Рэйвенвуд.

Зеркало потемнело.

Из него донёлся приглушённый стук, потом шорох ткани. Рен вдруг вспомнила дом, где они провели последнюю неделю каникул: толстые ковры, сквозь которые не слышались

шаги, и длинные шторы в кабинете Марвенны. Там всегда пахло высушенными яблоками и воском для мебели.

Появилась рука.

Крупное кольцо на указательном пальце. Знакомый шрам у основания большого.

Марвенна поправила зеркало.

— Кассандра?

Она сидела за письменным столом. На плечах лежала тёмная шаль; волосы были собраны небрежнее обычного. За спиной горела только одна лампа.

Увидев девушек, Марвенна выпрямилась.

— Вы благополучно доехали?

Ада ответила не сразу.

— Доехали.

Марвенна посмотрела на Рен.

— Что случилось?

Вейл повернула лист с проступившим именем к зеркалу.

— При регистрации Рениты пытались оформить передачу права на временную изоляцию её контура. Мы прервали голосовое подтверждение. Однако пропуск сохранил незавершённую связь. Установленный держатель полномочий — вы.

Марвенна поднесла зеркало ближе.

Рен видела, как изменилось её лицо. Сначала удивление. Потом узнавание.

— Покажите оттиск.

Вейл подняла обрывок в платке.

Марвенна смотрела долго.

— Это моя печать, — сказала она.

Ада выдохнула.

— Ты дала им разрешение?

— На эту регистрацию — нет.

— На какую дала?

Марвенна перевела взгляд на внучку.

— Адалия, прежде чем мы продолжим, убери руку со стола.

Ада посмотрела вниз.

На дереве под её пальцами лежал иней.

Она отняла ладонь.

— Ответь.

Марвенна опустила глаза. В зеркале было видно, как она придвинула к себе один из ящиков стола.

— Семнадцать лет назад я оформила охранное полномочие на двух детей моего рода. Его держателем была я. Документ позволял остановить передачу родового дара при угрозе захвата.

Рен почувствовала, как стул под ней стал слишком жёстким.

— Остановить — значит заблокировать?

— Да.

— Нас обеих?

— Да.

Никто не заговорил сразу.

Гримуар лежал раскрытым, но его страницы не двигались.

— Мы это знаем, — сказала Ада наконец. — Летом ты рассказала.

— Я рассказала о блоке, — ответила Марвенна. — Полномочие было одним из средств, которыми я его удерживала.

— И оно ещё действует? — спросила Рен.

Марвенна вынула из ящика тонкую папку.

— После турнира я подала уведомление о прекращении опеки над вашими контурами.

— Подала, — повторила Вейл. — Получили подтверждение?

Марвенна открыла папку.

Рен увидела листы, перевязанные зелёной лентой.

Бабушка перебирала их аккуратно. Слишком аккуратно.

— Подтверждение приёма, — произнесла она. — Не исполнения.

Вейл прикрыла глаза.

Ада отвернулась к окну.

— Ты знала, что они не закончили.

— Я знала, что канцелярия задерживает дела после расследования. Предполагала, что...

Марвенна остановилась.

За зеркалом часы отбили половину часа.

— Я должна была проверить, — сказала она.

Рен смотрела на её руки.

Это признание неожиданно оказалось труднее услышать,

чем объяснение. Пока Марвенна знала всё, можно было сердиться на её тайны. Теперь она сидела перед ними с папкой и недостающей бумагой, и от этого опасность становилась ближе.

— Кто мог воспользоваться полномочием? — спросила Рен.

— Тот, кто имел доступ к архивной копии и действующей попечительской печати.

— Севрин? — спросила Ада.

Вейл покачала головой.

— Она оформляла документы у ворот. Это пока всё, что мы можем утверждать.

Марвенна провела пальцем по одному из листов.

— Кассандра, там должен быть предел действия. Слова «до самостоятельного волеизъявления носителя».

Профессор придвинула к себе увеличительное стекло.

— В записи, которую предъявили Рените, этого нет.

— Посмотрите нижний слой.

Вейл погасила лампу.

В комнате сразу стало теснее. За окном горели окна кухни; по стеклу бежали дождевые капли, и свет ломался в каждой.

Профессор взяла вторую бумажную полосу, поднесла её к жетону и медленно провела над красной чертой.

На обрывке выступили бледные буквы.

Ада наклонилась.

Рен прочла раньше неё.

«До самостоятельного...»

Остальная строка была перечёркнута.

Не выскоблена, не затёрта временем. Через неё прошла свежая чёрная вязь.

— Там была граница, — сказала Рен.

Вейл снова зажгла лампу.

— Её убрали.

Марвенна закрыла папку.

— Я выезжаю.

— Нет, — быстро сказала Ада.

Бабушка подняла глаза.

— Почему?

Ада сцепила испачканные чернилами пальцы.

— Потому что, когда ты приезжаешь, все начинают говорить с тобой. А мы опять ждём за дверью.

Марвенна ничего не ответила.

Рен почувствовала, как у неё пересохло во рту.

— Нам нужна твоя помощь, — сказала она. — Но запрос мы подписали сами. Я хочу, чтобы ответ пришёл нам.

Вейл пододвинула их объяснения ближе к зеркалу.

Марвенна прочла начало первого листа, затем второго.

— Хорошо, — сказала она. — Я отправлю заверенную копию исходного полномочия и заявление о его прекращении. На ваше имя, Ренита. Кассандра получит копию как свидетель.

Ада медленно кивнула.

— И ещё, — добавила Рен.

Марвенна ждала.

— Если ты знаешь о других документах, которые касаются моего дара, мне нужно их увидеть.

За зеркалом что-то тихо упало. Возможно, край папки задел перо.

— Я составлю перечень, — ответила Марвенна.

— Полный.

Бабушка посмотрела на неё внимательно.

— Полный.

Когда зеркало погасло, в кабинете ещё некоторое время никто не двигался.

Потом Ада сказала:

— Она действительно не проверила.

Рен подняла с пола платок, который выронила во время разговора.

— Да.

— Я всё ждала, что она скажет: «Это было необходимо».

Что у неё есть ещё одна причина, о которой мы не знаем.

— Я тоже.

Вейл убрала зеркало в коробку, но не закрыла крышку.

— Вы обе имеете право сердиться. Только не принимайте решений, пока вам хочется прежде всего причинить боль.

Ада посмотрела на неё.

— Мы ничего не проклинали.

— Я говорю не только о формах.

В коридоре зашуршали шаги. Кто-то остановился у двери.

Короткий стук.

Вейл поднялась.

— Кто?

— Торн.

Ада удивлённо посмотрела на Рен.

Профессор открыла дверь лишь настолько, чтобы видеть коридор.

Корделия стояла с кожаной папкой под мышкой. Её светлые волосы намокли на концах, будто она недавно выходила во двор.

— Мне сказали, они у вас.

— По какому вопросу?

Корделия заглянула в щель.

Увидела Аду. Потом Рен.

— Я хочу забрать свой пропуск.

— Где он? — спросила Вейл.

— В канцелярии. Выдали другой. Первый забрали, когда я попросила прочитать приложение.

Ада выпрямилась.

— Ты спрашивала?

Корделия посмотрела на неё так, будто вопрос был неуместным.

— Моя мать состоит в совете. Я умею читать документы.

Она достала из папки сложенный лист.

— Копию мне оставили. Думаю, по ошибке.

Вейл открыла дверь шире.

— Войдите.

Корделия прошла в кабинет, заметила жетон под колпаком и остановилась.

— Значит, и у вас.

Рен встала, освобождая ей место за столом.

Корделия села не сразу. Сначала положила бумагу перед профессором.

Вейл развернула лист.

На нём стоял знакомый заголовок о временной изоляции контура. Ниже — имя уполномоченного держателя.

Другое.

Ада придвинулась ближе.

— Твоя мать?

Корделия кивнула.

— Она сказала, что не подписывала новых полномочий. Я ей верю.

Последние слова прозвучали вызывающе.

Ада взглянула на Рен и опустила глаза.

— Мы только что говорили с бабушкой, — сказала она.
— У нас похоже.

Корделия перевела взгляд на лист с именем Марвенны.

Её плечи чуть опустились.

Вейл положила обе бумаги рядом.

Формулировки совпадали почти полностью. Совпадал да-

же маленький излом в третьей строке — словно перо споткнулось в одном и том же месте.

— Значит, это не только наш род, — сказала Рен.

Профессор достала новый чистый лист.

— Теперь у нас два случая.

Гримуар перелистнул страницу.

На верхнем поле появилась тонкая чёрная линия.

Корделия отодвинула стул.

— Она пишет сама?

— Когда считает, что мы медленно думаем, — ответила Ада.

Книга не стала возражать.

На странице выступило:

«Формула №201. Размыкание неподтверждённого обязательства».

Ниже появились знакомые слова.

Рен прочла их молча.

— Теперь можно? — спросила она Вейл.

Профессор посмотрела на две записи.

— Можно. Связь и условия зафиксированы. Завтра мы будем выяснять, кто изменил документы. Сегодня вы должны спокойно войти в свою комнату.

Она сняла стеклянный колпак.

— Один пропуск за раз. Называйте своё имя так, как называете себя. Затем — отказ от записи. Без угроз и добавлений.

Ада отступила, давая Рен место.

Это маленькое движение Рен заметила раньше всего остального.

Она взяла жетон.

Холод обжёг пальцы.

— Ренита Фэрроу, — сказала она.

Красная черта дрогнула.

Рен посмотрела на собственное имя в объяснении. На неровные буквы, написанные рукой, которая сначала немного тряслась.

— Моим именем чужой воли не скреплять. Что без меня решено — мне не исполнять.

Костяной жетон стал тёплым.

Черта на ребре разошлась у самой середины. Из трещины поднялся короткий запах жжёной бумаги.

На листе под именем Марвенны проступили два слова:
«Согласие отсутствует».

Рен опустила пропуск.

Ей хотелось рассмеяться, но вместо этого она несколько раз сглотнула.

— Всё? — спросила Ада.

Вейл осмотрела жетон.

— Для этой записи — всё.

Корделия пододвинула свой лист.

— У меня нет первого пропуска.

— Осталась копия с личной строкой. Этого достаточно,

— сказала профессор. — Если вы хотите.

Корделия взяла бумагу за края.

Несколько секунд смотрела на подпись матери.

Потом произнесла своё имя.

Формулу она прочла негромко, без обычной отточенной уверенности. На последнем слове голос дрогнул, но черта под подписью всё равно разорвалась.

Корделия выдохнула.

— Не думала, что первое заклинание второго курса будет против собственного пропуска.

— Против чужого распоряжения, — поправила Рен.

Корделия посмотрела на неё.

На этот раз без усмешки.

Из кабинета они вышли втроём.

В столовой уже убрали посуду, но кухарка, выслушав объяснение Вейл, завернула для них хлеб, сыр и три яблока. Ада несла свёрток обеими руками. Рен держала гримуар.

У лестницы Корделия остановилась.

— Завтра я приду на ваш урок.

— Ты и так на нём будешь, — сказала Ада.

— Я имею в виду — сяду рядом.

Ада чуть приподняла брови.

Рен успела ответить первой:

— Приходи.

В комнате четыреста семнадцать было холодно.

Они закрыли окно, положили хлеб на тарелку и по оче-

реди умылись ледяной водой. Ада долго оттирала чернила с пальцев. Рен смотрела на новый пропуск, пока тот не перестал казаться чужой вещью.

Гримуар лежал между столами.

Ада разломилла яблоко ножом.

— Бабушке тоже придётся произнести Двести первую?

На странице появился ответ:

«Если её имя использовали без её воли».

— Завтра спросим, — сказала Рен.

Она взяла свою половину яблока.

В коридоре пробил ночной колокол.

Тогда под дверью зашуршала бумага.

Ада первой заметила белый край.

Подняла лист.

Он был без печати и подписи.

Всего одна строка:

«Для завершения регистрации требуется личное присутствие Рениты Фэрроу. Архивное отделение. До полуночи».

Ада посмотрела на часы.

Без четверти двенадцать.

Рен отложила яблоко.

Гримуар начал закрываться, но она придержала страницу ладонью.

— Нет, — сказала она. — Теперь мы сначала прочитаем всё.

Она перевернула лист.

На обороте мелким почерком было приписано:
«Сопровождающих не приводить».

Ада встала.

— К Вейл?

— К Вейл.

За дверью не было ни шагов, ни шороха.

Только на каменном полу возле порога лежали три сухих
листочка чабреца.

Домашние задания

Для адепки. Проверь приглашение с печатью Марвенны: отправителя, полномочия, срок и скрытое условие. Реши, какой канал связи использовать.

Для читателя. Перепиши подозрительное приглашение так, чтобы получатель заранее понимал цель встречи и мог отказаться.

Глава 4. Голос за дверью

«Условная формула начинается раньше, чем ты услышишь её последнюю строку».

Из Свода второго курса

Рен не подняла чабрец.

Она присела возле порога, держа лампу так, чтобы свет падал вдоль пола. Три листочка лежали почти на одной линии. Один зацепился за щель между плитами.

Ада стояла с запиской в руке.

— Локвуд под стражей.

— Нам так сказали.

— Вейл видела решение.

Рен выпрямилась.

— Тогда кто-то хочет, чтобы мы вспомнили его.

Запах был слабым. В архиве первого курса чабрец чувствовался отчётливее: сухая горечь смешивалась с пылью и нагретым воском. Сейчас траву будто принесли отдельно от человека.

Ада посмотрела в обе стороны коридора.

У дальней лестницы ещё горела лампа. Из-за одной из дверей донёсся смех, затем короткое сердитое замечание. Академия укладывалась спать.

— Пойдём, — сказала она.

Рен поставила лампу на стол.

— Подожди. Сфотографировать мы не можем. Нужно хотя бы оставить всё на месте.

Она достала из дорожной сумки пустую коробку от пуговиц и накрыла листочки, не касаясь их.

Ада прочла записку ещё раз.

— Здесь сказано «для завершения регистрации». Может, достаточно письменно отказаться?

— А если они ждут, что мы произнесём отказ?

Ада замолчала.

Гримуар лежал раскрытым возле хлеба. На странице проступило:

«Вейл».

— На этот раз без длинной лекции? — спросила Ада.

Книга щёлкнула застёжкой.

Они вышли, заперли комнату и проверили ручку.

Пропуск Рен стал тёплым только на мгновение. Замок признал её без красной черты.

Дверь кабинета была приоткрыта.

Вейл сидела за столом в том же платье, но без мантии. На носу у неё держались очки с тонкой серебряной дужкой. Перед ней лежало раскрытое дело; страницы были испещрены чужими подписями.

Увидев девушек, она сняла очки.

— Что теперь?

Ада положила записку перед лампой.

Рен рассказала про чабрец.

Профессор прочла текст. Затем повернула лист боком, посмотрела сквозь него на свет.

— Вы это произносили?

— Только между собой обсуждали, — сказала Ада. — Сам текст — нет.

— Как именно обсуждали?

Ада нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Сказала, что Локвуд под стражей. Потом спросила Рен, идти ли к вам.

Вейл перевела взгляд на Рен.

— Я сказала, что сначала нужно всё прочитать. Потом — что пойдём к вам.

— Хорошо.

Профессор достала небольшую стеклянную пластину и положила на записку.

Под стеклом проявился водяной знак: три соединённых кольца.

— Канцелярская бумага архивного отделения, — сказала Вейл. — Сама по себе ничего не доказывает. Такие листы выдают пачками.

Она провела ногтем по нижней строке.

Над словами «до полуночи» появился слабый серый след.

Рен наклонилась ближе.

— Это заклинание?

— Пока вижу только подготовленную связь. Без осмотра двери не скажу.

Ада взглянула на часы.

— Осталось десять минут.

Вейл убрала записку в прозрачную папку.

— Вы будете здесь.

— Я хочу пойти, — сказала Рен.

— Нет.

Это слово прозвучало резко. Профессор заметила, как Рен выпрямилась, и добавила уже спокойнее:

— Там могут ждать именно ваш голос. Я могу осмотреть помещение без него.

Рен посмотрела на папку.

— А если через десять минут всё исчезнет?

— Поэтому я иду сейчас.

Вейл надела мантию, вынула из ящика короткий металлический стержень и связку ключей.

Гримуар, который Ада держала под мышкой, скрипнул.

— Возьмите книгу, — сказала Рен. — Она знает, что сохранилось от регистрации.

Профессор протянула руку.

Ада передала ей гримуар.

Без него под мышкой сразу стало непривычно пусто.

— Если я не вернусь до половины первого, — сказала Вейл, — нажмите медную кнопку возле шкафа. Придёт ночная стража. Дверь кабинета открывается изнутри. В коридор не выходите.

Она ушла.

Несколько секунд девушки слушали её шаги.

Потом Ада села на край стула.

— Мне не нравится оставаться.

Рен устроилась напротив.

— Мне тоже.

— Я всё время представляю, что там...

Она не закончила.

В кабинете тихо потрескивал фитиль. Чайник давно остыл. Рен заметила на столе сухую крошку хлеба: профессор, вероятно, ужинала над делом.

Ада потянулась к раскрытой папке, но остановилась.

— Можно посмотреть?

— Она не разрешала.

Ада убрала руку.

Рен посмотрела на неё и впервые за вечер улыбнулась.

— Ты сейчас сама остановилась.

— Очень выдающееся достижение.

— Для первого дня — неплохое.

Часы отсчитали ещё минуту.

За дверью прозвучал голос Вейл.

— Ренита. Подойдите сюда.

Ада вскочила.

Рен тоже поднялась, но не двинулась с места.

Голос был точным. Та же сдержанность, та же чуть хрип-лая последняя гласная.

— Профессор?

Она успела сказать это прежде, чем поняла, что ответила.
За дверью стало тихо.

Ада повернула к ней голову.

Рен прижала ладонь ко рту.

Потом голос произнёс:

— Необходимо подтвердить личность. Назовите полное имя.

Ада схватила металлическую линейку со стола и указала ею на медную кнопку.

Рен кивнула.

Ада нажала.

Внутри стены щёлкнуло.

Голос за дверью не изменился:

— Ренита, мы теряем время. Это обычная проверка.

Рен смотрела на ручку. Она оставалась неподвижной.

Настоящая Вейл имела ключ. И сказала, что они должны ждать.

Ада подошла к двери сбоку, так, чтобы не оказаться прямо перед ней. Не касаясь дерева, нагнулась к замочной скважине.

Из неё тянуло холодом.

Она отступила.

Стук.

Один короткий удар.

— Откройте.

Рен чувствовала, как желание ответить собирается в гор-

ле. Хотелось объяснить, что они не отказываются помогать; что просто выполняют прежнее распоряжение; что профессор сама велела оставаться.

Она стиснула зубы.

Ада взяла чистый лист и быстро написала:

«НЕ ОБЪЯСНЯЙ».

Подчеркнула дважды.

Рен кивнула.

Снаружи кто-то провёл пальцами по двери.

Звук медленно опустился от верхней филёнки к ручке.

— Вы опять прячетесь за чужими решениями, — произнёс голос Вейл. — На втором курсе это недопустимо.

Ада побледнела.

Рен увидела, что слова задела и её.

Потом из-за двери донеслось:

— Адалия, ты ведь хочешь помочь сестре?

Голос теперь принадлежал Марвенне.

Ада отступила к столу.

Рен потянула её за рукав.

Они встали рядом с медной кнопкой.

Звук пришёл снова, совсем близко:

— Назовите себя. И всё закончится.

Ада взяла перо.

Написала на листе:

«СТРАЖА НЕ ИДЁТ».

Рен посмотрела на кнопку.

Маленький огонёк над ней горел, но не мигал, как после вызова в других кабинетах. Она вспомнила одиночный щелчок внутри стены.

Сигнал мог не уйти.

Или уйти не туда.

За дверью что-то царапнуло камень.

Рен повернула голову к окну. Четвёртый этаж, мокрые крыши внизу. На подоконнике — полосы бумаги и камни.

Она взяла один из камней, самый тяжёлый, и положила на стол.

Ада проследила за её движением.

Рен указала на окно, затем на стену. Три удара. Пауза. Три удара.

Ада поняла.

Она взяла второй камень.

Первый удар по трубе отопления прозвучал неожиданно громко.

Голос за дверью оборвался.

Второй удар.

Третий.

Рен выждала и повторила.

Глухой металлический звук ушёл вниз по стене. Там, где магическая связь могла быть перехвачена, обычная труба оставалась трубой.

За дверью ударили ладонью.

— Прекратите!

Теперь голос был незнакомым.

Низким, раздражённым.

Ада посмотрела на Рен.

Та подняла камень снова.

В этот момент в коридоре раздался быстрый топот.

— От двери! — крикнула настоящая Вейл.

Они обе бросились за стол.

Снаружи сухо треснуло.

Потом — звон, будто на каменный пол упала горсть стеклянных шариков.

Ручка повернулась.

Вейл вошла первой, держа перед собой металлический стержень. За ней показался ночной стражник с фонарём.

Профессор сразу посмотрела на девушек.

— Кто говорил?

Рен подняла руку.

— Я. Одно слово. «Профессор».

Вейл шагнула к ней.

— После этого что-нибудь почувствовали?

— Хотелось отвечать. Снова и снова.

— Имя назвали?

Рен покачала головой.

Профессор выдохнула.

Ада всё ещё держала камень.

Вейл посмотрела на него, затем на трубу.

— Это вы?

— Кнопка не работала, — сказала Ада.

Стражник обернулся к стене.

— На нижнем посту слышали. Думали, труба лопнула.

— Хорошо, что пришли проверить, — ответила Вейл.

Она поставила гримуар на стол.

Книга раскрылась, но прежде, чем появились буквы, профессор взяла Рен за запястье.

— Можно осмотреть горло?

— Да.

Вейл приложила два пальца под её подбородком. Рен почувствовала лёгкое тепло.

— Связь зацепилась за первый ответ, — сказала профессор. — Но не закрепились. Сейчас снимем остаток.

— Двести первая? — спросила Ада.

— Нет. Здесь другое устройство.

На странице гримуара проступило:

«Формула №202. Отсечённый отклик».

Ниже:

«На чужой зов моего ответа нет.

Узнанный голос не даёт тебе прав.

Звук отзвучал. Связь оборвалась».

Рен прочла строки.

Слова казались простыми, но после голоса за дверью ей было страшно произносить что-либо.

Вейл заметила.

— Сначала назовите, что вы слышали. Без формулы.

Рен посмотрела на Аду.

— Голос, похожий на ваш. Потом на голос Марвенны. Но я не видела ни вас, ни её.

— Хорошо. Теперь — кому вы ответили?

Рен подумала.

— Не знаю.

— Именно. Вы не обязаны продолжать разговор только потому, что уже сказали одно слово.

Она повернула книгу так, чтобы лампа освещала страницу целиком.

Рен прочла формулу.

На первой строке в горле кольнуло. На второй исчезло ощущение, будто за дверью всё ещё кто-то ждёт.

Последнюю она произнесла ровно.

Гримуар закрыл страницу чистым листом.

В архивном отделении не оказалось ни Севрин, ни вызвавшего Рен человека.

Вейл рассказала это, когда стражник закончил осмотр кабинета.

На столе возле запертой двери лежала вторая записка — с требованием ждать регистратора. В дверной коробке была спрятана условная вязь. Она должна была замкнуться, если Рен произнесёт имя и переступит порог.

— Когда вы не пришли, связь перенесли сюда? — спро-

сила Ада.

— Попытались получить ответ там, где вы находились, — сказала Вейл. — Для этого использовали остаток регистрационного следа.

Рен посмотрела на дверь.

Возле нижней петли на полу лежала тонкая полоска, похожая на высохшую змеиную кожу.

Стражник уже накрыл её стеклом.

— Что это?

— Слепок голоса. С него снимали знакомые вам интонации.

— Где их взяли?

Вейл не ответила сразу.

Гримуар перевернул страницу.

В кабинете стало слышно, как дождь стучит по жестяному козырьку.

— Мой голос есть в учебных записях, — сказала профессор. — Голос Марвенны — в заседаниях старого Совета.

Ада нахмурилась.

— Но она сказала: «Ты ведь хочешь помочь сестре». Это было только сегодня. Бабушка так раньше не обращалась ко мне при Рен.

Вейл медленно повернулась к зеркальной коробке.

Крышка оставалась открытой.

Внутри тускло блестело стекло.

Гримуар зашелестел так резко, что Рен вздрогнула.

На странице появилась одна строка:

«Исходящую связь проверили. Обратную — нет».

Вейл подошла к столу.

Взяла лоскут, которым протирала зеркало, и накрыла стекло.

Из-под ткани донёсся лёгкий стук.

Два удара.

Пауза.

Один.

Профессор захлопнула коробку и прижала крышку ладонью.

Стражник поднял фонарь.

Ада приблизилась к сестре.

— Они слышали разговор?

Вейл смотрела на деревянную коробку.

— Возможно, весь.

Рен вспомнила лицо Марвенны. Папку с зелёной лентой. Обещание прислать документы утром.

Если разговор слышали, знали и об этом.

Она сказала:

— Нужно предупредить бабушку.

Профессор кивнула.

— Другим способом.

Снизу, изнутри закрытой коробки, раздался голос Рен.

Совершенно точный.

— Нужно предупредить бабушку.

Ада схватила её за руку.

Настоящая Рен молчала.

Голос в коробке помедлил и добавил уже то, чего она не говорила:

— Я сама ей всё объясню.

Домашние задания

Для адепки. Раздели узнаваемый голос и подтверждённое поручение. Предложи проверку, на которую копия голоса не получит готового ответа.

Для читателя. Напиши короткий диалог с голосом за дверью. Покажи момент, когда героиня замечает подмену, не называя её прямо.

Глава 5. Письмо без голоса

«Чужие уста могут повторить твои слова. Решение повторить труднее».

Из Свода второго курса

Вейл не стала отвечать коробке.

Она сдвинула со стола бумаги, освобождая место, и попросила стражника принести металлический ящик из соседней кладовой.

Ада всё ещё держала Рен за руку.

— Откуда оно знает, что ты собиралась сказать?

Рен прислушалась к себе.

— Я не собиралась.

Под крышкой тихо скребнуло.

— Я сама ей всё объясню, — повторил голос.

Теперь в нём слышалось нетерпение.

Вейл подняла коробку за боковые ручки и переставила на пустой край стола.

— Оно продолжает разговор за вас. Посмотрите, как удобно: вы хотите предупредить Марвенну, а оно предлагает вам действовать одной.

Рен медленно высвободила ладонь.

— Чтобы она услышала меня и поверила.

— Именно.

Из кладовой донёсся грохот. Стражник вернулся с длин-

ным железным ящиком, на котором сохранилась бумажная наклейка: «Повреждённые измерительные приборы».

— Другого нет, профессор.

— Подойдёт.

Вейл положила зеркальную коробку внутрь, закрыла крышку и повернула ключ.

Голос исчез.

Стражник проверил петли.

— Отнести в караульную?

— Оставьте здесь. Возле него нельзя разговаривать. На пост передайте записку.

Профессор взяла бумагу, написала несколько строк и вручила ему.

Тот прочёл, кивнул и вышел.

Когда дверь закрылась, Ада посмотрела на железный ящик.

— Там теперь мой голос тоже?

— Возможно.

— И бабушкин.

Вейл не стала её успокаивать.

— Мы должны считать, что записи у них есть.

Рен подошла к окну.

Дождь почти прекратился. Из водосточной трубы по капле падала вода; внизу, под фонарём у кухни, блестела широкая лужа.

— Тогда завтра бабушке могут сказать что угодно от на-

шего имени.

— Поэтому предупреждение нужно отправить сейчас.

— Через зеркало нельзя, — сказала Ада. — Через канцелярию тоже. Там взяли бумагу для вызова.

Вейл открыла шкаф.

За связками старых тетрадей стояла небольшая клетка.

Внутри сидела серая птица с коротким клювом.

— Академическая почта? — спросила Рен.

— Моя личная.

Птица проснулась, повернула голову и посмотрела на профессора одним глазом.

— Она долетит до дома Рэйвенвуд?

— Летала туда раньше. Но письмо всё равно может попасть не в те руки.

Ада села к столу.

— Я опишу что-нибудь из нашего лета. То, что знаю только я и бабушка.

Вейл достала маленький конверт.

— Подумайте сначала, где вы об этом говорили.

Ада уже взяла перо, но остановилась.

— В комнате. За обедом. При слугах.

— Память о семье может убедить, — сказала Рен. — Но не докажет, что письмо написали сейчас мы.

Гримуар перелистнул страницу.

На ней появилось:

«Спросите то, чего получатель не ожидает».

Ада прочла и нахмурилась.

— И как это поможет?

Книга некоторое время молчала.

Потом проступили новые строки:

«Не всё решается формулой».

Рен села рядом с сестрой.

Они смотрели на чистую бумагу.

Ада написала:

«Бабушка, не отвечай на зеркальные вызовы от нашего имени».

Потом перечитала.

— Если письмо поддельное, ей именно это и могли бы написать. Чтобы она не услышала настоящее предупреждение.

Рен кивнула.

— Значит, не запрещать отвечать. Просить проверить другим способом.

Вейл подвинула им конверт.

— И не передавать лишнего. Всё, что попадёт в письмо, могут прочитать.

Они составили короткий текст вместе.

Не упомянули ни чабрец, ни архивную дверь, ни найденную голосовую плёнку. Написали, что обнаружена возможность подражания голосам и что любые новые просьбы об именах, дарах и документах следует подтверждать лично либо через два независимых канала.

Ада подписалась первой.

Рен ниже.

Перед тем как сложить лист, Ада добавила:

«Мы обе в безопасности. Ночуем у профессора Вейл».

Профессор прочла последнюю строку.

— Это правда, — сказала она. — Но адрес выдал бы нас, если бы они его ещё не знали.

Ада посмотрела на железный ящик.

— Знают.

Вейл кивнула и поставила свою подпись.

Потом неожиданно надорвала лист.

Рен вздрогнула.

Профессор отделила узкую неровную полосу с нижнего края.

— Это останется у нас. Если придёт письменный ответ, попросим вернуть край вместе с ним.

— Можно скопировать форму разрыва, — заметила Ада.

— Можно. Особенно если видели оригинал. Это дополнительная проверка, а не единственная.

Она запечатала конверт обычным воском, без магического оттиска.

Птица недовольно переминалась в клетке.

Вейл закрепила письмо в маленькой кожаной сумке у неё на лапе, открыла окно и выставила руку наружу.

Несколько секунд почтовая голубка сидела на запястье, словно оценивала погоду.

Затем сорвалась в темноту.

Ада проводила её взглядом.

— Я никогда не замечала, что от обычного письма может зависеть так много.

Вейл закрыла окно.

— Сегодня от обычной трубы тоже зависело немало.

Они уснули в маленькой комнате за кабинетом.

Там стояла одна узкая кушетка. Вейл достала складную кровать, и Ада предложила уступить кушетку Рен, но та только покачала головой.

— Ты выше. На складной ноги будут свисать.

— Они и сейчас свисают.

— Значит, не ухудшай положение.

Ада села на кушетку.

Усталость пришла внезапно. Ещё минуту назад она собиралась расспрашивать профессора о зеркале. Теперь едва могла развязать шнурки.

Рен поставила ботинки под свою кровать и обнаружила в кармане половину яблока. За вечер оно потемнело.

Она завернула его в бумагу.

В соседней комнате шуршали страницы. Вейл продолжала работать.

— Рен, — тихо сказала Ада.

— Что?

— Когда ты ответила за дверью... я подумала, что сама бы тоже ответила.

— Я знаю.

— Не только «профессор». Я бы объясняла. Доказывала, что мы не нарушаем правил.

Рен лежала, глядя на трещину в потолке.

— Я тоже хотела.

— А ты остановилась.

— Ты написала, чтобы я не объясняла.

Ада повернулась на бок.

Складная кровать негромко скрипнула, когда Рен подтянула одеяло.

— Значит, завтра будем учиться останавливаться раньше,

— сказала Ада.

Рен закрыла глаза.

— Завтра.

Их разбудил запах кофе.

За окном светало. Серое небо висело низко над крышами; на мокрых желобах сидели воробьи.

Ада первой вышла в кабинет.

Вейл стояла возле стола в чистой мантии. Волосы были собраны, на рукаве не осталось мела. Только тёмные круги под глазами выдавали бессонную ночь.

Железный ящик исчез.

— Стража забрала его в помещение без окон, — сказала профессор, заметив взгляд Ады. — При мне. Под письменную расписку.

Рен подошла к столу.

На нём лежало три конверта.

Два одинаковых, с академическими печатями. Третий — маленький, с обычным воском.

— Уже ответ? — спросила она.

— Голубка вернулась десять минут назад.

Вейл подала конверт Рен.

Руки у той сразу похолодели.

На обороте был знакомый почерк Марвенны:

«Рените Фэрроу и Адалии Рэйвенвуд».

Не «наследницам рода».

Не «под опекой».

Рен открыла письмо.

Внутри лежал короткий лист и та самая неровная полоска.

Вейл достала оставшийся край. Они совместили бумагу.

Разрыв совпал.

Ада придвинулась к сестре.

Марвенна писала:

«Предупреждение получила. До установления личной связи никаких новых распоряжений от вашего имени исполнять не стану. Оригиналы документов находятся при мне. Сегодня прибуду в Академию, но войду через общий пропускной стол и буду ждать вашего приглашения. Посыльных за вами не отправляю».

Ниже, другим пером, была приписка:

«В два часа ночи зеркало вызвало меня голосом Рениты.

Я не ответила. Вызов повторился четырежды».

Рен перечитала приписку.

Ада выпрямилась.

— Письмо успело?

— По времени — да, — сказала Вейл.

Она взглянула на часы.

— Теперь завтракайте. Через полчаса первое занятие.

Ада повернулась к двум оставшимся конвертам.

— А это?

Профессор не сразу ответила.

Потом положила их перед девушками.

На одном стояло имя Ады.

На другом — Рен.

«Уведомление о временном ограничении допуска к практическим занятиям».

Ада вскрыла свой конверт слишком резко. Бумага лопнула у края.

Рен прочла аккуратно.

До окончания проверки им запрещалось применять совместный контур на территории Академии. Посещать теоретические занятия разрешалось. Практику следовало проходить отдельно, под наблюдением назначенных преподавателей.

Внизу стояла подпись ректора.

Ада подняла глаза.

— После того как на нас напали?

— Именно после этого, — ответила Вейл.

— Они решили, что опасность — мы?

Профессор взяла кофейную чашку, но поставила обратно, не отпив.

— Ректор опасается, что общий контур может быть вызван без вашего согласия.

Рен посмотрела на уведомление.

— А может?

Гримуар лежал на краю стола.

Его переплёт медленно приподнялся.

На странице выступило:

«Без участия обеих — нет».

Ада почти улыбнулась.

Но ниже появилась вторая строка:

«Без осознанного участия — возможно».

Улыбка исчезла.

Вейл села напротив них.

— На арене вы соединили силу правильно. Но тогда обе понимали, что происходит. Теперь у противника есть образцы ваших голосов, ваши имена и часть старых регистрационных связей.

— Голос не заменяет волю, — сказала Рен.

— Не заменяет. Но может добиться ответа от вас. Или заставить одну принять чужой ответ за согласие другой.

Ада вспомнила, как положила ладонь Рен на плечо во время турнира. Тогда этого оказалось достаточно, чтобы отдать силу.

Теперь она медленно убрала руку, лежавшую возле сест-

ринской.

Рен заметила.

— Не нужно бояться сидеть рядом, — сказала она.

— Я не боюсь.

Но руку не вернула.

Вейл поднялась.

— Сегодня начнём с самого основания парной работы. Каждая должна уметь удерживать собственный контур отдельно. Если вы не различаете, где заканчивается ваша сила, защитить соединение нельзя.

Ада снова посмотрела на запрет.

— Кто будет преподавать Рен?

— Я.

— А мне?

— Пока тоже я. Разные часы.

— Пока?

Вейл забрала пустые конверты.

— Попечительский совет предложил отдельного наблюдателя.

Рен сложила уведомление.

— Имя?

Профессор посмотрела на неё.

— Ещё не утверждено.

Из коридора донёсся звон утреннего колокола.

Академия просыпалась. По лестнице бежали студентки, кто-то спорил о расписании, кто-то пытался вспомнить, в ка-

кую аудиторию перенесли занятие.

Ада взяла гримуар.

Книга открылась на чистой странице.

Вверху появилось:

«Урок первый. Удержание собственного контура».

Рен подняла дорожную сумку с пола.

Они вышли вместе, но на лестнице Ада всё же оставила между ними ступень.

Рен ничего не сказала.

Внизу, у доски расписаний, их ждала Корделия.

Она увидела письма в их руках и достала такое же из папки.

— Вам тоже?

Ада остановилась.

— У тебя нет общего контура.

— Нет.

Корделия развернула уведомление.

Основание ограничения было другим:

«Недостаточная устойчивость личного волеизъявления при оформлении обязательств».

Рен взяла лист, прочла последнюю строку и посмотрела на неё.

— Из-за вчерашнего отказа?

Корделия пожала плечами.

Но глаза у неё были красные.

— Мать говорит, что это временная мера. И что спорить

сейчас не следует.

За их спинами первокурсница восторженно сказала по-друге:

— Представляешь, сегодня нам дадут настоящие формулы!

Ада посмотрела на закрытую дверь аудитории.

Рен вернула Корделии письмо.

— Пойдём, — сказала она. — Начнём с того, что выясним, чему нас собираются учить.

Домашние задания

Для адепки. Построй цепочку независимого предупреждения Марвенны. Для каждого шага укажи, какой чужой отклик нельзя принимать за ответ адресата.

Для читателя. Сравни ограничения Рен и Корделии. Что в этой главе меняет отношение к прежней сопернице? Подтверди ответ сценой.

Глава 6. Урок собственного голоса

«Два голоса могут произнести одну формулу. От этого они не становятся одним человеком».

Из Свода второго курса

В аудитории пахло мокрой шерстью и нагретым металлом.

За лето здесь заменили светильники. Старые коптящие чаши исчезли; теперь над столами висели медные колпаки, и свет падал ровными кругами. Каменные стены остались прежними. В трещине возле кафедры всё ещё сидела пыль, которую Рен помнила с первого курса.

На каждом столе лежало небольшое зеркало.

Ада остановилась в дверях.

Корделия посмотрела на неё, затем на Рен.

— После вчерашнего — очень своевременно.

Вейл слышала.

— Зеркала без связи. Обычное отражающее стекло. Можете осмотреть оправы.

Ада не села, пока не перевернула своё.

Сзади была гладкая деревянная дощечка, закреплённая двумя скобами. Никаких знаков.

Рен проверила тоже.

Профессор дождалась, пока они закончат.

— После вчерашней ночи это разумная проверка, — ска-

зала она. — Но теперь прошу сесть.

Корделия заняла место рядом с Рен.

Ада устроилась через проход.

Рен заметила, как сестра положила сумку на пустой соседний стул. Будто место между ними нужно было чем-то занять.

Остальные студентки переговаривались.

Кто-то смотрел на Рен открыто. Кто-то делал вид, что ищет перо, и поворачивался только тогда, когда она отводила глаза.

Вейл закрыла дверь.

— Сегодня вы не будете произносить формулы.

По аудитории прошёл разочарованный вздох.

— Даже простые? — спросила девушка в первом ряду.

— Особенно те, которые считаете простыми.

Профессор взяла мел и написала на доске:

«КТО ГОВОРИТ?»

Затем ниже:

«КТО РЕШАЕТ?»

— На первом курсе вы учились удерживать звук, — сказала она. — На втором придётся установить, кому принадлежит действие. Слово можно повторить. Голос можно записать. Вчера несколько ваших однокурсниц убедились, что даже согласие можно попытаться изготовить из чужого ответа.

В аудитории стало тише.

Ада опустила взгляд на зеркало.

Вейл поставила на кафедру три чаши.

В одной лежала белая соль. В другой — мелкий чёрный песок. Третья была пустой.

— Каждый контур оставляет собственный след. Сейчас вы увидите его без заклинания.

Она прошла между столами и раздала маленькие блюда. На дне каждого были прочерчены два круга: внутренний и внешний.

— Положите ладонь рядом. Не на блюде. Назовите себя мысленно. Затем вспомните решение, которое приняли сами.

— Любое? — спросила Корделия.

— Действительное.

— А если решение оказалось неправильным?

— Оно всё равно ваше.

Вейл вернулась к кафедре.

— Не берите самое важное событие жизни. Начните с малого.

Рен положила руку возле блюда.

Перед глазами возникло письмо о зачислении. Потом вчерашний стол у ворот. Затем голос за дверью.

Она отогнала эти воспоминания.

Малое.

Утром она решила сохранить уведомление о запрете практики, а не оставить его у Вейл. Сложила лист вчетверо

и убрала в собственную папку.

На блюде проступила тёмная точка.

Рен наклонилась.

Точка вытянулась в тонкий полумесяц.

— Не помогайте ему расти, — сказала Вейл, проходя мимо. — Только наблюдайте.

У Ады на дне появилось белое пятно.

Сначала едва заметное. Потом оно стало ярче.

Соль в чаше на кафедре тихо зашуршала.

Рен повернула голову.

Белый след Ады пересёк внутренний круг.

— Адалия.

Сестра не ответила.

Она смотрела на своё блюдо так, будто пыталась заставить его показать что-то определённое.

След дошёл до внешнего круга.

— Адалия, уберите руку.

Ада резко отдёрнула ладонь.

Белое пятно погасло.

Несколько студенток обернулись.

Вейл остановилась возле её стола.

— Что вы вспоминали?

Ада сжала пальцы.

— Турнир.

— Я просила малое решение.

— Я знаю.

— Почему выбрали турнир?

Ада посмотрела через проход на Рен.

Та сразу поняла.

Сестра хотела проверить, способен ли её дар оставаться отдельно в тот момент, который они пережили вместе.

Вейл тоже проследила за взглядом.

— Об этом поговорим на вашем индивидуальном занятии. Сейчас выберите другое.

Ада кивнула.

Но ладонь возле блюда больше не положила.

Корделия смотрела на собственный след с раздражением.

У неё получилась узкая золотистая полоска. Она то появлялась, то исчезала.

— Он не держится, — сказала она.

Вейл подошла.

— Ваше решение?

— Отказаться от вчерашнего обязательства.

— Начните с менее напряжённого.

Корделия выпрямилась.

— Я в нём уверена.

Полоска исчезла.

Рен отвела глаза, давая ей время.

На доске часы отсчитали минуту.

Корделия снова положила руку возле блюда.

Теперь появились две точки.

Одна золотистая. Вторая — бледно-серая.

— Профессор.

Вейл наклонилась.

— Не пытайтесь убрать вторую.

— Почему их две?

— Вы вспоминаете не только решение.

Корделия молчала.

Профессор не стала спрашивать перед всем курсом. Положила возле блюда перевёрнутую карточку и пошла дальше.

Рен посмотрела на соседку.

Та читала написанное под краем стола.

Потом спрятала карточку в папку.

— Что там? — тихо спросила Рен.

Корделия некоторое время не отвечала.

— «Желание не разочаровать мать тоже принадлежит вам. Но оно не обязано решать за вас».

Рен посмотрела на её блюдо.

Серая точка оставалась на месте.

Золотистая полоска стала ровнее.

К концу первого часа Вейл собрала зеркала.

Рен отдала своё с облегчением.

Профессор заметила, но ничего не сказала.

— Теперь второй этап.

Она поставила пустую чашу в центр кафедры.

— Перед вами будет задача. Никаких приказов. Вы сами решите, выполнять ли её.

На доске появились слова:

«ПОДНИМИТЕ ПРАВУЮ РУКУ».

Несколько студенток подняли руки сразу.

Вейл ждала.

Ада тоже начала движение, но остановилась на полпути.

Рен держала руки на столе.

— Почему не выполняете? — спросила профессор девушку у окна.

— Я левша.

Вейл кивнула.

— Достаточная причина. Другие?

— Вы сказали, что это не приказ, — ответила Рен.

— Значит, просьбы можно игнорировать? — бросила кто-то с заднего ряда.

Рен повернулась.

— Я ещё не решила.

Вейл постучала мелом по доске.

— Именно это мы и проверяем. Между услышанным и действием должно оставаться место для решения.

Надпись изменилась:

«ПОДНИМИТЕ ПРАВУЮ РУКУ, ЕСЛИ ХОТИТЕ ПРОДОЛЖИТЬ ОБУЧЕНИЕ».

Руки подняли почти все.

Рен почувствовала знакомый толчок под рёбрами.

Неужели можно остаться с опущенной рукой?

Конечно, она хотела продолжить обучение.

Ладонь оторвалась от стола.

Она увидела движение и остановилась.

Внутри стало неприятно: будто она нарушила что-то очевидное и теперь заставляла остальных ждать.

Ада подняла руку.

Корделия тоже.

Вейл сняла надпись.

— Опустите.

Ада нахмурилась.

— Там было условие.

— Да.

— Но никакой магии?

— Никакой. Вы проверяли доску в прошлом году. Сегодня она та же.

Профессор поставила мел на кафедру.

— Прежде чем изучать условные капканы, научитесь замечать обычное давление. Вас можно торопить, стыдить, пугать потерей места. Ни одна из этих причин сама по себе не означает, что предложенное действие вам необходимо.

— А если отказ действительно приведёт к отчислению?
— спросила Корделия.

— Тогда вы имеете право узнать это до согласия. И получить условия письменно.

С заднего ряда раздался смешок.

— Будем во время боя просить письменные условия?

Вейл посмотрела туда.

— Во время боя полезно понимать, какой именно реакции от вас добивается противник. Иногда это спасает голос.

Рен почувствовала, как напряжение в горле возвращается.

Она сглотнула.

Ада увидела.

Впервые за утро её рука потянулась через проход.

Потом остановилась.

Рен сама протянула ладонь.

Ада коснулась пальцев — осторожно, спрашивая.

Ничего не вспыхнуло.

Никакой общий контур не возник.

Просто тёплая рука.

Вейл продолжила занятие.

После звонка студентки выходили медленно.

Уже не жаловались, что им не дали новых формул.

Рен собирала тетрадь, когда возле её стола остановилась девушка с короткими тёмными волосами.

— Ты вчера правда слышала чужой голос?

— Да.

— Как поняла?

Рен задумалась.

— Не сразу. Он просил сделать то, о чём настоящая Вейл заранее сказала иначе.

Девушка кивнула.

— Мне ночью пришёл вызов от сестры. Через комнатное зеркало. Она учится в другой Академии.

Рен перестала застёгивать папку.

— Ты ответила?

— Зеркало было выключено. Я только слышала звон.

Утром сестра написала, что спала.

Рен посмотрела на Вейл.

Профессор уже шла к ним.

— Ваше имя?

— Элиса Морн.

— Зеркало оставили в комнате?

— Да.

— До осмотра не включайте. После обеда зайдите ко мне.

Элиса ушла.

Ада поставила сумку на стол.

— Ещё один случай.

Вейл кивнула.

— И, вероятно, не последний.

Она повернула блюдо Рен к свету.

Тёмный полумесяц оставался внутри первого круга.

— Теперь ваше отдельное занятие.

Ада посмотрела на часы.

— Мне ждать снаружи?

— Ваш час после обеда.

Сестра медленно подняла сумку.

Рен заметила, как трудно ей уйти.

— Увидимся в столовой, — сказала она.

Ада кивнула.

Корделия тоже осталась у двери.

— А я?

— Завтра, в то же время, — ответила Вейл. — Сегодня запишите три решения, в которых вы уверены, и одно, в котором сомневаетесь. Не нужно показывать их матери.

Корделия посмотрела на папку.

— Хорошо.

Дверь закрылась.

Вейл убрала со стола всё, кроме блюда.

— Сейчас я попрошу вас сделать неприятную вещь.

Рен села ровнее.

— Какую?

— Вспомнить голос за дверью.

Ладони сразу стали влажными.

— Зачем?

— Чтобы отделить память о страхе от действующей связи.

Вы должны знать разницу.

Рен посмотрела на блюдо.

— Если связь вернётся?

— Я остановлю упражнение. Но вы тоже можете прекратить его в любой момент.

Профессор положила возле её руки чистую карточку.

На ней было написано:

«СТОП».

— Не обязательно говорить. Достаточно перевернуть её.

Рен провела пальцем по краю.

Потом кивнула.

Она вспомнила первый вызов.

«Ренита. Подойдите сюда».

Точный голос Вейл.

Холод из замочной скважины.

Блюдце потемнело.

Рен захотелось подняться.

— Что происходит? — спросила профессор.

— Хочется подойти к двери.

— Сейчас?

Рен посмотрела на дверь аудитории.

— Нет. Тогда.

— Удерживайте это различие.

Тёмный полумесяц дрогнул.

Возле него появилась тонкая серая нить.

Она пересекла внутренний круг.

Рен перевернула карточку.

Вейл сразу накрыла блюдце ладонью.

Всё погасло.

Несколько секунд Рен сидела, не двигаясь.

Потом сказала:

— Я думала, что это уже снято.

Профессор убрала руку.

На дне остался серый след.

— Остаточный отклик может держаться в памяти. Это ещё не новая связь.

— Но вы не уверены.

Вейл посмотрела на неё.

— Пока нет.

Рен выдохнула.

Это было страшнее успокоения. И всё же ей стало легче оттого, что профессор сказала правду.

Вейл достала из папки лист регистрации.

Положила рядом.

Серая нить на блюде медленно повернулась в его сторону.

Они обе замерли.

Профессор отодвинула бумагу.

Нить повернулась следом.

— Значит, связь всё-таки осталась, — сказала Рен.

Вейл поднялась.

— Слабая. Не там, где мы размыкали обязательство.

— Где?

Профессор долго смотрела на лист.

Потом перевернула его.

На обороте не было ни подписи, ни печати.

Только едва заметные цифры в нижнем углу:

Номер их комнаты.

Рен вспомнила, как впервые вставила жетон в замок.

Как дверь сразу открылась.

Вейл сложила лист.

— Сегодня в свою комнату не возвращайтесь.

— Наши вещи там.

— Заберём после проверки.

Из сумки Рен донёсся скрип переплёта.

Она открыла гримуар.

На странице уже стояло название:

«Формула №203. Чужой порог».

Ниже книга дописала:

«Не каждый капкан держит тебя внутри. Некоторые ждут,
пока ты вернёшься».

Домашние задания

Для адепки. На учебной модели отдели личный отклик от автоматического ответа устройства. Объясни, почему номер комнаты становится основанием для осмотра.

Для читателя. Какие привычные действия героиням приходится пересмотреть? Выбери одно и объясни, почему оно стало опасным.

Глава 7. Комната четырёх семнадцать

«Порог запоминает шаг. Но память дома не должна становиться правом на его жильца».

Из Свода второго курса

— Позовём Аду, — сказала Рен.

Вейл положила регистрационный лист в папку.

— Позовём. До этого я опечатаю дверь.

— А если она уже туда пошла?

Профессор посмотрела на часы.

После звонка прошло двадцать минут.

Ада собиралась в столовую. Но перед обедом могла зайти за тетрадью, за чистыми перчатками, за чем угодно.

Рен уже поднялась.

— Стойте.

Вейл сказала это негромко, но Рен остановилась.

— Мы не знаем, что делает порог. Если вы побежите первой, придётся искать вас обеих.

Профессор взяла со стены маленький медный колокольчик и позвонила один раз. Звук оказался удивительно низким.

В дверях почти сразу показался дежурный служитель.

— Найдите студентку Адалию Рэйвенвуд. Второй курс.

Если она идёт в северное крыло, попросите остаться там, где находится. Я поднимусь к комнате четыреста семнадцать.

Служитель кивнул.

— Причина?

— Проверка дверного замка. Не пугайте её, но не позволяйте открыть дверь до моего прихода.

Он ушёл быстрым шагом.

Вейл достала из шкафа длинный футляр, проверила содержимое и закрыла.

Рен прижала гримуар к груди.

— Теперь можно?

— Рядом со мной. На лестнице не обгонять.

На четвёртом этаже пахло мылом.

По коридору тащили ведро с чистой водой; возле окна лежала стопка выстиранных половиков. Горничная, увидев Вейл, остановилась.

— Вы к новым жильцам? Я их комнату утром не трогала. Велели подождать.

Профессор задержалась.

— Кто велел?

— Распорядительница крыла. Сказала, проверка ещё не закончена.

— Где она?

— В бельевой, наверное.

Вейл попросила её не заходить в комнату и продолжила путь.

У двери четыреста семнадцать стояла Ада.

Она держала пропуск двумя пальцами. Служитель находился рядом, явно стараясь объяснить задержку так, чтобы не получить в ответ белую вспышку.

Увидев Рен, Ада сразу пошла ей навстречу.

— Что случилось?

Рен посмотрела на пропуск.

— Ты открывала?

— Нет. Он начал нагреваться ещё у лестницы.

Она положила жетон на ладонь.

Костяная поверхность отливала тусклым белым светом.

Вейл попросила служителя отойти к окну и не пропускать сюда других студенток.

Аду поставила рядом с Рен.

— Сейчас ничего не прикладывайте к замку. Не называйте имён возле двери.

Рен оглянулась на пол.

Коробка от пуговиц оставалась у порога.

Она накрыла ею чабрец ночью, и с тех пор здесь, похоже, никто не убирал.

Ада проследила за её взглядом.

— Значит, записку принесли именно сюда. Не случайно.

— Записка заставляла нас уйти, — сказала Рен. — А порог ждал возвращения.

Вейл опустилась на одно колено.

Из футляра она вынула тонкую пластинку и провела вдоль

нижнего края двери. На металле выступили четыре светлые точки.

Профессор нахмурилась.

— Две регистрационные записи. Две попытки входа.

— Мы обе вошли вчера, — сказала Ада.

— Да. Но после вашего ухода дверь должна была закрыть бытовую связь. Здесь она осталась открытой.

Вейл подняла пластинку к лампе.

Точки были соединены попарно. От каждой пары тянулась тонкая линия в сторону замка.

Рен почувствовала холод в затылке.

— Их связали?

— Пока пытаются.

Ада шагнула ближе.

— Через дверь?

Профессор указала на косяк.

Под слоем лака виднелась царапина. Рен приняла её вчера за след от старой петли.

Теперь в ней проступали крошечные знаки.

— Порог узнаёт жильцов по пропускам, — сказала Вейл.

— Это обычное устройство. Но здесь к нему добавили вторую задачу.

Гримуар заворочался в руках Рен.

Она раскрыла его.

«Формула №203. Чужой порог».

Под названием появилась строка:

«Не входи туда, где тебя уже начали соединять».

Ада посмотрела на сестру.

Вчера они остановились у двери вместе. Рен вставила жетон первой. Ада вошла следом.

— Общий контур? — спросила она.

Вейл кивнула.

— Не готовый. Его основание. Пропуска подтвердили, что вы обе жильцы. Дальше порог должен был собрать отклики при повторном входе.

— Но общий контур без нас не работает, — сказала Рен.

— Полноценный — нет. Поэтому вас пытались вызвать ночью. Получить голос, затем привести обратно сюда. Возможно, рассчитывали на страх, на желание немедленно оказаться в безопасном месте.

Ада посмотрела на деревянную дверь.

На ней ещё висел маленький латунный номер.

Комната, которую они успели назвать своей.

— Кто выбрал нам четыреста семнадцатую?

— Сейчас узнаем.

Распорядительница крыла пришла с толстой книгой под мышкой.

Это была невысокая женщина с туго собранными волосами и связкой ключей на поясе. Она явно ожидала жалобу на сырость или бельё.

Увидев пластинку в руке Вейл, замедлила шаг.

— Я ничего не меняла в замках.

— Я пока об этом не спрашивала, госпожа Бренн. Покажите распределение комнат.

Женщина раскрыла книгу на широком подоконнике.

Строка четыреста семнадцать была заполнена аккуратно:

«Адалия Рэйвенвуд.

Ренита Фэрроу».

Рядом стояла помета:

«Смежное размещение. По медицинскому предписанию».

Ада наклонилась.

— Какому предписанию?

Бренн перелистнула книгу к вложенным документам.

— После турнира. Для наблюдения за последствиями резонанса.

Вейл взяла лист.

На нём была подпись академического лекаря.

Дата — середина лета.

Рен посмотрела на Аду.

— Мы тогда были дома.

— Он нас не осматривал, — сказала Ада.

— Предписание могли выдать по материалам комиссии,

— ответила Вейл. — Проверим отдельно.

Бренн теребила край рукава.

— Мне прислали список. Я подготовила комнату. Два одинаковых стола, как было указано, две кровати. Я думала, это из-за того, что...

Она замолчала, взглянув на Рен.

— Из-за чего? — спросила та.

— Чтобы больше не было различия между студенткой и сопровождающей.

Рен опустила глаза.

Именно столы вчера убедили её, что всё изменилось.

Вейл посмотрела на Бренн.

— Кто прислал список?

— Канцелярия размещения.

— Есть сопроводительное письмо?

Женщина кивнула.

— Внизу. В папке.

— Принесите. И найдите запись о ремонте этой двери.

Бренн ушла.

Ада ждала, пока её шаги стихнут.

Потом сказала:

— Они даже про столы знали.

Рен смотрела на дверь.

— Возможно, это было обычное распоряжение.

— Ты всё время говоришь «возможно».

— Потому что иначе я начну подозревать каждого, кто нам помогал.

Ада хотела ответить, но не нашла слов.

Вейл поставила футляр на пол.

— Сначала разомкнём порог. Вещи заберёте после этого.

Гримуар раскрылся шире.

На странице выступила формула:

«Порог — дому, имя — мне.

Мой шаг не связывать с чужим.

Открыть проход, разнять узлы.

Кто входит — отвечает за себя».

Рен прочла её про себя.

— Это тоже отказ?

— Разделение связей, — сказала Вейл. — Вы не отказываетесь от комнаты. Вы отменяете добавленное к замку соединение.

Ада посмотрела на свои ладони.

— Нам вместе?

— По очереди. Иначе можем дать порогу именно то, чего он ждёт.

Рен передала книгу сестре.

— Я первая.

Вейл положила металлическую пластинку на пол перед дверью.

— Не касайтесь дерева. Назовите себя, затем формулу. Последнюю строку произнесите спокойно. Она определяет, кому принадлежит вход.

Рен почувствовала, как снова сохнет во рту.

За спиной слугитель тихо кашлянул.

Из соседней комнаты донёлся звук передвигаемого стула.

Она назвала своё имя.

Знаки в царапине потемнели.

Потом прочла формулу.

На словах «разнять узлы» что-то щёлкнуло внутри косяка.

Рен испугалась, что замок открылся, но ручка не двинулась.

Последнюю строку она произнесла медленнее:

— Кто входит — отвечает за себя.

Одна пара точек на пластинке разошлась.

Рен отступила.

Ада заняла её место.

Назвала себя.

На второй строке белый свет проступил вокруг замочной скважины. Она сразу замедлила дыхание, не пытаясь вытолкнуть силу сильнее.

— Кто входит — отвечает за себя.

Свет погас.

Вторая пара точек разделилась.

Вейл подняла пластинку.

Все четыре точки стояли отдельно.

— Теперь можно открыть.

В комнате ничего не изменилось.

На столе лежал хлеб. На тарелке темнела оставшаяся половина яблока. Горшок с сухой землёй стоял на подоконнике.

Ада подошла к своей кровати, но не села.

Рен открыла дорожную сумку.

Обычные вещи вдруг требовали внимания: тетрадь, щётка, сменная рубашка. Она проверяла их не потому, что знала, как выглядит ловушка, а потому, что теперь не могла просто сложить всё в охапку.

Вейл осмотрела столы, кровати и оконную раму.

У дверей появилась Бренн с папкой.

— Ремонт был в июле, — сказала она. — Замок меняли по заявке архивного отделения.

Ада выпрямилась.

Профессор взяла бумаги.

— Почему архивного?

— У них хранятся старые схемы дверной защиты. Иногда мастера сверяются.

Вейл прочла заявку.

Потом ещё раз, внимательнее.

— Кто принимал работу?

Бренн указала пальцем.

Подпись была короткой и неразборчивой.

Рядом стояло имя:

«Э. Морн».

Рен застыла с тетрадью в руках.

— Элиса?

Бренн посмотрела на неё.

— Летом здесь помогали студентки. За плату. Многие.

Ада подошла к Рен.

— Она сегодня сказала, что слышала вызов сестры.

Вейл закрыла папку.

— Поэтому нужно поговорить с ней раньше обеда.

— Вы думаете, она знала? — спросила Рен.

— Я думаю, её подпись находится на документе. Это всё, что у нас сейчас есть.

Профессор передала Бренн распоряжение о временном закрытии комнаты.

— Девушкам нужно другое размещение. Без привязки к старым пропускам. Ключ обычный.

Распорядительница кивнула.

— Есть комната в южном крыле. Теснее.

— Подойдёт, — сказала Рен.

Ада посмотрела на два одинаковых стола.

Потом подняла чемодан.

Элису нашли не в столовой.

Она сидела у окна возле учебной канцелярии. На коленях лежала сумка, в руках — письмо.

Когда Вейл подошла, девушка сразу встала.

— Я как раз хотела вас найти.

Профессор остановилась.

— Что случилось?

Элиса протянула лист.

Он был без академической печати. Только имя получателя и короткая просьба явиться для уточнения летней работы.

Рен увидела знакомую бумагу с тремя кольцами.

— Когда принесли?

— После занятия. Я решила не идти сразу. Вы сказали не включать зеркало, а здесь тоже какая-то проверка...

Она замялась.

Вейл взяла письмо.

— Правильно решили.

Ада поставила чемодан у стены.

Рен спросила:

— Ты летом работала с дверными замками?

Элиса удивилась.

— Я переписывала ведомости. И иногда относила документы мастеру.

— Комната четыреста семнадцать?

Девушка нахмурилась.

Потом медленно кивнула.

— Помню. Северное крыло. Мастер просил расписаться, что я принесла схему и забрала готовую заявку.

Вейл достала летнюю запись.

— Здесь указано, что вы приняли выполненную работу.

Элиса посмотрела на бумагу.

Её лицо побледнело.

— Нет. Я расписалась на другом листе.

— На каком?

— На ведомости передачи. Там было всего две строки.

Рен вспомнила обрывок с полученным согласием.

Ада — имя Марвенны, под которым убрали предел пол-

номочий.

Элиса сжала ремень сумки.

— Я могу показать. У меня оставались черновики.

Профессор убрала заявку.

— Где?

— В комнате.

Она перевела взгляд на Рен, затем на Аду.

— Только я не уверена, что дверь откроется.

— Почему? — спросила Вейл.

Элиса вынула из кармана пропуск.

На его ребре тянулась красная черта.

— Утром он был обычный, — сказала она. — А после письма начал нагреваться.

Домашние задания

Для адепки. Раздели допуск в комнату и создание парного контура. Составь перечень сведений для осмотра порога без использования подозрительных пропусков.

Для читателя. Сопоставь объяснение Элисы и документ о приёме работ. Какие вопросы помогут выяснить события без преждевременного обвинения?

Глава 8. Чернила второго слоя

«Подпись отвечает за тот лист, который ты видела. Если лист изменился, доказывать придётся и то, и другое».

Из Свода второго курса

Элиса держала пропуск на раскрытой ладони.

Красная черта тянулась по ребру от одного края к другому. Посередине она изгибалась, будто обходила невидимый узел.

Вейл не стала брать жетон.

— Где вы прочли письмо?

— Здесь. Села и прочла.

— Вслух?

Элиса опустила глаза.

— Только первые слова. Я иногда так делаю, когда не понимаю, чего от меня хотят.

— Какие именно?

— «Для уточнения выполненных работ...»

Профессор посмотрела на бумагу.

— Дальше?

— Про себя.

Рен увидела, как пальцы Элисы начали подрагивать. Та свернула их, закрывая жетон.

— Я не называла имени, — быстро сказала она.

— Хорошо, — ответила Вейл. — Сейчас не называйте. И

не отвечайте на новые вызовы.

— Я что-то сделала?

— Вы прочли письмо. Этого не должно быть достаточно, чтобы распоряжаться вашим даром.

Элиса кивнула, но продолжала сжимать кулак.

Вейл развернула прозрачную папку и попросила положить пропуск внутрь. Потом передала Аде записку для дежурного.

— Отнесите на пост вниз. Пусть пришлют стражника и мастера дверной защиты к комнате Элисы. Вернитесь сюда.

Ада бросила взгляд на Рен.

Та уже собиралась сказать, что пойдёт с ней, и остановилась.

Несколько часов назад они едва не лишились права действовать отдельно. Теперь снова старались не отходить друг от друга даже на одну лестницу.

— Я буду здесь, — сказала Рен.

Ада взяла записку.

— Скоро вернусь.

Комната Элисы находилась в восточном крыле.

Пока они шли, девушка всё время поправляла сумку на плече. Ремень был старый, протёртый возле пряжки; вероятно, он действительно сползал. Но Рен казалось, что ей просто нужно чем-то занять руки.

— Ты всё лето работала в Академии? — спросила она.

— Шесть недель. Потом уехала к сестре.

— В архиве?

— В канцелярии хозяйственных работ. Я хорошо переписываю. Быстро и без помарок.

Элиса сказала это с привычной гордостью, но тут же умолкла.

У её двери ещё не было ни стражи, ни мастера.

Вейл попросила их остановиться возле окна и достала пластинку.

Рен смотрела, как профессор проводит ею вдоль косяка.

Никаких соединённых точек не появилось.

Только слабый красный след возле замка.

— Здесь нет устройства, которое мы нашли в четыреста семнадцатой, — сказала Вейл.

Элиса выдохнула.

— Значит, можно войти?

— Откроем обычным ключом. Ваш пропуск пока останется у меня.

Ключ нашёлся у распорядительницы этажа.

Вейл вошла первой. Осмотрела порог, стол и зеркало над умывальником. Потом разрешила пройти Элисе и Рен.

В комнате было тесно.

Одна кровать, маленький стол у окна, шкаф с перекошенной дверцей. На спинке стула сушилась выстиранная рубашка. Рядом с учебниками лежали две катушки ниток и кусок серой ткани.

Элиса открыла нижний ящик стола.

— Я брала исписанные листы домой. Нам разрешали. Если оборот чистый.

Она вынула пачку бумаг, перетянутую бечёвкой.

Рен отошла, давая ей место.

Вейл закрыла дверь, оставив ключ в замке.

Элиса перебирала листы всё быстрее. На некоторых были числа, на других — списки материалов, расходы на масло и металлические скобы.

— Вот.

Она положила перед профессором узкую ведомость.

В верхней строке стояло:

«Передача схемы. Северное крыло, комната 417».

Ниже:

«Получено от канцелярии».

«Передано мастеру».

В конце — подпись Элисы.

Никаких слов о приёме работ.

Вейл достала вчерашнюю заявку и положила рядом.

Рен наклонилась над столом.

Подписи совпадали до мелочей: длинный хвост последней буквы, едва заметная точка возле росчерка, нажим в середине имени.

— Как две одинаковые, — сказала она.

Элиса смотрела на них, не моргая.

— Я не подписывала вторую.

— Верю, — ответила Вейл. — Но нам нужно установить,

как её туда перенесли.

Ада вернулась вместе со стражником и мастером. Оставила их у двери, вошла и сразу заметила два листа.

— Это копия?

— Очень точная, — сказала профессор.

Мастер заглянул в комнату.

Он был пожилым, с коротко остриженными волосами и красными руками. На ремне у него висели маленькие щипцы и связка тонких металлических прутьев.

Увидев ведомость, он нахмурился.

— Такие листы нам давали с переводным слоем.

Вейл повернулась к нему.

— Для чего?

— Чтобы оставалась копия у канцелярии. Верхний лист забирал посыльный, нижний оставался мне.

Элиса подняла голову.

— Нижний был пустой, когда я уходила.

— На нём запись проявлялась позже, — сказал мастер. — К вечеру. Мне так объяснили.

В комнате стало тихо.

Ада посмотрела на Рен.

Та уже вспоминала чернила, которые поползли по книге регистрации у ворот.

Сначала имя.

Потом чужие условия.

Вейл попросила принести чистый стол из коридорной ни-

ши.

На нём разложили ведомость, заявку и письмо Элисе.

Мастер остался рядом. Стражник стоял у открытой двери и не позволял любопытным студенткам задерживаться.

— Кто выдал вам переводные листы? — спросила профессор.

— Канцелярия. Пачку прислали в начале лета.

— Сопроводительный документ сохранился?

— Должен быть в мастерской.

— Принесите всё, что осталось. Даже обрывки.

Мастер ушёл.

Элиса села на край кровати.

— Я ещё много такого подписывала.

Рен обернулась.

— Сколько?

— Не знаю. Двадцать. Может, больше.

— Какие работы?

— Передача дверных схем. Получение ключей. Списки зеркал для ремонта.

Вейл оторвалась от бумаг.

— Зеркал?

Элиса кивнула.

— Их летом снимали из нескольких кабинетов. Часть отвозили в архивную мастерскую.

Ада придвинулась ближе к столу.

— Из вашего тоже, профессор?

— Из моего — нет. Но служебное зеркало хранилось в общем шкафу до августа.

Элиса опустила голову.

— Я не знала.

Вейл села перед ней.

— Сейчас мне нужны ваши воспоминания. Не пытайтесь заменить их извинениями.

Девушка несколько раз сглотнула.

Потом сказала:

— Иногда листы были тёплые. Я думала, их только что сушили.

Рен вспомнила клочок, выпавший из гримуара.

Тоже тёплый.

— А чернила? — спросила она. — На подписи.

— Быстро высыхали. Даже перо казалось сухим.

Вейл вернулась к столу.

Положила на ведомость стеклянную пластину.

— Мы проверим сначала на этом листе. Ничего не производить над бумагой.

Она взяла из футляра кисточку и провела по краю подписи.

Под стеклом появился бледный след.

Тонкая линия отходила от росчерка, доходила до края и там исчезала.

Профессор переместила пластину на вторую заявку.

На ней проступила такая же линия.

Но теперь она шла от края к словам:

«Работа принята. Замечаний не имеется».

Элиса закрыла рот ладонью.

Вейл не стала снимать стекло.

— Подпись использовали как переносимый якорь. На первом листе вы подтверждали передачу схемы. На втором от вашего имени подтверждали результат.

Ада посмотрела на письмо.

— А сегодняшняя записка зачем?

— Возможно, чтобы получить новое подтверждение. Или заставить её вернуться к документу и ответить голосом.

— Или убрать черновики, — сказала Рен.

Вейл взглянула на пачку бумаг.

— Это тоже возможно.

Гримуар, лежавший на кровати возле Элисы, открылся.

На странице появилось:

«Формула №204. Свидетельство руки».

Ада поднесла книгу к столу.

Ниже названия проступило:

«Где рука моя стояла — там и слово подтверждала.

Через край не переносить.

Чужим листом мне не говорить».

Рен прочла и посмотрела на Элису.

— Она вернёт подпись?

— Отделит её от листа, которого Элиса не подтверждала,
— сказала Вейл. — Но сначала снимем следы. После применения второй слой может исчезнуть.

Стражник у двери достал служебную тетрадь.

Профессор продиктовала расположение листов, вид обнаруженных связей и имена присутствующих. Каждый подписал только ту часть, которую видел сам.

Ада прежде чем поставить подпись, перевернула лист.

Стражник не возразил.

Мастер вернулся с жестяной коробкой.

Внутри лежали три чистых переводных листа и несколько смятых нижних копий.

Сверху — накладная.

Вейл прочла её, затем передала стражнику.

— Поставщик указан?

Тот провёл пальцем по строке.

— Архивное отделение. Склад речевых материалов.

— Ответственный?

Стражник замялся.

— Подпись госпожи Севрин.

Элиса подняла глаза.

— Она проверяла нас у ворот.

Ада резко выдохнула.

Вейл забрала накладную.

— Теперь есть основание запросить её объяснение и опечатать оставшиеся материалы.

— Арестовать? — спросила Ада.

— Не мне решать. И не по одной накладной. Она могла принимать поставку, не зная о втором слое.

Рен посмотрела на Элису.

Та тоже принимала бумаги.

И вчера ещё считала свою подпись обычной отметкой о выполненной работе.

— Сначала объяснение, — сказала Рен.

Ада кивнула, хотя по её лицу было видно, как трудно ей согласиться.

К полудню Элиса произнесла Двести четвёртую.

Перед этим Вейл попросила её прочесть исходную ведомость целиком и назвать, что именно она передавала.

Девушка ответила медленно, припоминая:

— Схему дверной защиты. Северное крыло. Я не проверяла замок. Не видела ремонта. Забрала подписанную мастером заявку и отнесла в канцелярию.

— Этого достаточно, — сказала профессор.

Элиса положила ладонь возле своей подписи.

Прочла формулу.

На чужой заявке росчерк побледнел.

Под стеклом тонкая линия разошлась, словно лопнула натянутая нить.

Исходная подпись осталась.

Элиса долго смотрела на неё.

— Значит, я всё ещё отвечаю за передачу схемы?

— Да.

— Хорошо, — сказала она неожиданно твёрдо. — Я действительно её передала.

Рен улыбнулась.

Но в тот же момент пропуск в прозрачной папке издал сухой щелчок.

Красная черта на его ребре стала чёрной.

Стражник поднял голову.

Вейл взяла папку.

— Не трогайте.

На костяной поверхности проступили мелкие буквы.

Рен наклонилась, стараясь не заслонять свет.

«Исправление принято».

Ниже возникла новая строка:

«Свидетель включён в сверку».

Ада посмотрела на дверь.

— Они видят, что мы делаем?

Вейл перевернула жетон.

На обратной стороне появилось время.

Двенадцать часов семь минут.

Ровно столько показывали часы над кроватью Элисы.

Профессор завернула папку в плотную ткань.

— Живой канал, — сказала она. — Мы разорвали перенос подписи. Но пропуск продолжает передавать изменения.

В коридоре слышались шаги.

К стражнику подошёл посыльный и протянул сложенное

распоряжение.

Тот прочёл, нахмурился и передал Вейл.

Она не стала скрывать бумагу от девушек.

В заголовке стояло:

«О немедленной передаче материалов внутреннего расследования».

Рен прочла следующую строку.

Все найденные листы, пропуска и личные записи предписывалось доставить в учебную комиссию. Участникам — прекратить самостоятельные проверки до назначения наблюдателя.

Внизу была ректорская печать.

Рядом — подпись.

Ада посмотрела на профессора.

— Настоящая?

Вейл долго держала лист возле окна.

Потом положила его рядом с исходной ведомостью Элисы.

— Печать выглядит подлинной.

Она провела кисточкой возле подписи.

Под стеклом проступила тонкая линия.

Та же, что на ложной заявке о приёме работ.

Вейл выпрямилась.

— Но подпись пришла с другого листа.

Домашние задания

Для адепки. Составь схему переноса подписи с ведомости на акт. Отметь исходное подтверждение и добавленное утверждение, которое надо отделить.

Для читателя. Перечисли три разных действия: передать схему, проверить работу, принять результат. Какое из них подтверждала Элиса?

Глава 9. Ректорская подпись

«Власть подписи заканчивается там, где начинается текст, которого подписавший не видел».

Из Свода второго курса

Вейл попросила посыльного остаться.

Тот стоял у двери с пустой кожаной папкой. Ему было лет шестнадцать; на манжете виднелось пятно чернил, а на лице — растерянность человека, который принёс бумагу и внезапно оказался участником неприятного разговора.

— Кто вручил вам распоряжение?

— В учебной канцелярии.

— Имя?

— Я не знаю. Женщина за стойкой. Сказала найти вас немедленно.

— Она поставила отметку о передаче?

Посыльный открыл папку.

Внутри лежал маршрутный лист.

Вейл попросила стражника переписать время, номер документа и место выдачи. Самого мальчика она отпустила только после этого — с короткой запиской о том, что распоряжение требует подтверждения.

— Отнесите на главный пост, — сказала она. — Не в канцелярию. Там вас проводят к дежурному начальнику.

Посыльный посмотрел на ректорскую печать.

— Я что-то нарушил?

— Нет. Вы доставили документ. Сейчас доставите ответ. Он кивнул и ушёл.

Ада проводила его взглядом.

— Значит, нам не надо отдавать бумаги?

— Пока нет.

— А если следующее распоряжение будет настоящим?

Вейл сложила поддельный лист в отдельную папку.

— Тогда выясним, что именно предписано и кому. Не будем угадывать заранее.

Рен посмотрела на стол.

Слишком много одинаковых листов. Ведомость Элисы, изменённая заявка, письмо, приказ. Каждый выглядел убедительно сам по себе. Подпись превращала слова в распоряжение, но теперь уже нельзя было доверять даже ей.

— Нужно поговорить с ректором, — сказала она.

Профессор кивнула.

— Лично.

Ада взяла гримуар.

— Пойдём все?

Вейл посмотрела на Элису. Та сидела на кровати, держа в руках собственную ведомость.

— Вы можете остаться под защитой стражи, — сказала профессор. — Или пойти как свидетель.

Элиса поднялась.

— Я пойду.

Возле ректорского кабинета былолюдно.

Две преподавательницы спорили вполголоса. Секретарь искала что-то в высокой стопке папок. У окна стоял незнакомый мужчина в светлой мантии; он держал перчатки за кончики пальцев и наблюдал за дверью.

Рен сначала заметила его ботинки.

Чистые, хотя двор после ночного дождя ещё не просох.

Потом — маленькую серебряную застёжку на воротнике. Два круга, соединённые перемычкой.

Вейл остановилась возле секретарского стола.

— Мне необходимо увидеть ректора. Сейчас.

Секретарь подняла глаза.

— Он на совещании.

— В кабинете?

— Да.

— Передайте: обнаружено распоряжение с его подписью, перенесённой с другого документа. Материалы у меня. Свидетели присутствуют.

За столом перестали шуршать бумаги.

Одна из преподавательниц повернулась.

Мужчина у окна надел перчатку.

Секретарь встала и прошла к двери.

Рен заметила, что Вейл не положила папку на стол.

Держала обеими руками.

Через минуту дверь открылась.

— Профессор Вейл. Войдите.

Ректор стоял возле длинного стола. Перед ним лежала раскрытая книга расходов. На отдельном листе были выписаны суммы за ремонт северного крыла.

Он посмотрел на девушек.

— Все четверо?

— Три свидетельницы и я, — ответила Вейл.

Ректор отодвинул стул.

— Садитесь.

Мужчина из приёмной вошёл следом.

— Думаю, моё присутствие будет полезно.

Вейл повернулась к нему.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Магистр Северин Крей. Назначен наблюдателем по вопросам устойчивости парных контуров.

Ада выпрямилась.

Рен вспомнила утреннее уведомление.

Значит, имя уже утвердили.

Ректор указал на кресло у стены.

— Магистр Крей, сейчас речь о документах.

— Документы определяют условия допуска. Это часть моего поручения.

Он сел.

Вейл положила папку перед ректором.

— Начнём с этого листа.

Ректор прочёл распоряжение.

Затем посмотрел на подпись.

— Я его не подписывал.

Ада едва заметно выдохнула.

— Печать?

Ректор наклонился ближе.

— Служебная. Оттиск такой же, каким пользуется учебная канцелярия.

— Сегодня вам представляли документы на подпись? — спросила Вейл.

Он указал на раскрытую книгу.

— Расходы. Переводы между счетами. Допуск мастеров к ремонту.

— Можно осмотреть подписанные листы?

Крей положил перчатки на колено.

— Это выходит за рамки студенческого происшествия.

Вейл посмотрела на него.

— Поэтому мы и пришли к ректору.

Ректор закрыл книгу расходов.

— Осматривайте.

Подпись нашлась на разрешении закупить медные скобы для новых светильников.

Тот же нажим в первой букве. Та же маленькая клякса в конце.

Рен посмотрела вверх.

Над столом висел медный колпак — похожий на те, что установили в аудитории.

Обычный хозяйственный документ.

Вейл наложила стеклянную пластину.

У края подписи проступил слабый след.

Ректор медленно сел.

— Этот лист мне принесли утром.

— На чём он лежал, когда вы подписывали?

— На папке.

— Под ним был ещё лист?

Он задумался.

— Возможно. Я не проверял.

Элиса подняла голову.

Рен увидела, как девушка перестала теревить свою ведомость.

Ректор смотрел на след возле собственной подписи. Потом перевёл взгляд на неё.

— Вы тоже подписывали верхний лист?

— Да, — сказала Элиса. — Ведомость передачи. А подпись оказалась на приёмке работ.

Он кивнул.

— Покажите.

Она подвинула бумаги.

Ректор прочёл обе и некоторое время молчал.

Крей поднялся.

— Если в канцелярии использованы неисправные переводные материалы, следует изъять всю партию. Незачем связывать это с нападением на студентов.

Рен посмотрела на письмо с вызовом.

— На их основе меня пытались провести через дверь, которая собирала наш общий контур.

Крей повернулся к ней.

— Вы сами установили назначение устройства?

— Нет. Профессор Вейл осмотрела его при нас. Есть за-
пись.

— Значит, это её заключение.

— Да.

Рен почувствовала, как снова хочется добавить что-то резкое. Доказать, что она понимает больше, чем он предполагает.

Она остановилась.

Ректор взял акт осмотра.

— Заключение подписано мастером дверной защиты и де-
журным стражником. Это достаточно для проверки.

Крей сел.

На лице у него ничего не изменилось.

Вейл разложила документы по порядку.

Регистрация.

Перенос подписи.

Письменный вызов.

Зеркальная запись.

Порог.

Приказ об изъятии доказательств.

Ректор читал медленно. Иногда просил уточнить время.
Иногда возвращался к предыдущему листу.

Когда он дошёл до копии охранного полномочия Марвенны, Ада спросила:

— Она должна приехать сегодня. Её пропустят?

— Пропустят, — ответил он. — В сопровождении стражи. До выяснения обстоятельств никаких новых родовых документов оформлять не будут.

— Она ждёт нашего приглашения.

— Тогда приглашение составите здесь.

Ада кивнула.

Это было первое распоряжение за день, которое не вызывало у неё желания спорить.

Ректор вызвал начальника стражи обычным звонком.

Через несколько минут в кабинете появился широкоплечий человек в тёмной форме. Он выслушал краткое объяснение, посмотрел документы и попросил оригиналы.

Вейл передала их под расписку.

Копии остались у неё.

Ректор отдельно распорядился закрыть выдачу переводной бумаги, опечатать склад речевых материалов и найти Севрин.

— По накладной она принимала поставку, — уточнила Вейл. — Пока не знаем, понимала ли устройство листов.

— Её доставят для объяснения, — сказал начальник стражи. — Не в общую караульную.

Рен почувствовала усталость.

Впервые всё происходило без погони. Люди задавали во-

просы, читали, проверяли. От этого ожидание становилось длиннее, но ей было легче дышать.

Крей заговорил, когда стражник ушёл.

— Теперь, если позволите, о парном контуре.

Ада сразу напряглась.

— Мы его не применяли.

— Я не утверждал обратного.

Магистр положил на стол тонкую папку.

— До завершения расследования необходима регистрация управляющих откликов обеих студенток. Отдельно. Это позволит отличать подлинный ответ от подражания голосу.

Вейл не прикоснулась к папке.

— Каким способом?

— Краткая фиксация имени, дыхательного рисунка и личной реакции на стандартный импульс.

— Где будут храниться образцы?

— В защищённом реестре.

— Кто получит доступ?

Крей посмотрел на ректора.

— Учебная комиссия и назначенный наблюдатель.

Рен услышала собственное дыхание.

Имя.

Голос.

Реакция.

У противника уже было слишком многое из этого.

Ада сказала:

— Нет.

Крей перевёл на неё взгляд.

— Вы ещё не ознакомились с условиями.

— Тогда дайте их. Мы прочитаем. Но сейчас — нет.

Вейл едва заметно кивнула.

Ректор протянул руку.

Крей передал ему папку.

Некоторое время слышался только шелест страниц.

— Без обязательной фиксации, — сказал ректор наконец.

— Предложение можно рассмотреть. Образцы до окончания проверки канцелярии собирать не будем.

Магистр забрал папку.

— Это замедлит установление безопасности.

— Возможно, — ответил ректор. — Сегодня мы уже видели цену поспешного подтверждения.

Крей поднялся.

— В таком случае составляю заключение о рисках.

Когда он вышел, Ада медленно разжала пальцы.

Рен увидела на ладони следы ногтей.

— Ты можешь сказать «нет» и потом прочитать, — тихо сказала она.

— Я знаю.

Но по голосу было слышно: именно сейчас Ада начала этому верить.

Марвенна приехала после обеда.

Ада и Рен встретили её во внутреннем дворе. По распо-

ряжению ректора вход проверили без родовой регистрации; обычный гостевой знак закрепили на краю шали.

Марвенна стояла возле колодца с небольшой дорожной сумкой.

Не было ни экипажа у парадной лестницы, ни слуг с сундуками.

Она увидела девушек и шагнула к ним.

Потом остановилась, словно вспомнив собственное обещание ждать приглашения.

Ада подошла первой.

Обняла её быстро и крепко.

Рен осталась на месте.

Марвенна посмотрела на неё через плечо Ады.

— Я привезла всё, что нашла.

Она указала на сумку.

— Оригиналы. Перечень тоже.

Рен кивнула.

— Спасибо.

Марвенна не потянулась к ней. Только немного отступила, когда Ада отпустила её.

— Где мы сможем поговорить?

— У Вейл, — сказала Ада.

Они пошли вместе.

Под аркой их догнал начальник стражи.

— Профессор уже ждёт. Есть новости.

Рен сразу подумала о Севрин.

— Её нашли?

Стражник посмотрел на Марвенну, затем на девушек.

— Госпожа Севрин находится в лекарском крыле.

— Что с ней? — спросила Ада.

— Не может говорить. По словам лекаря, связки целы.

Марвенна остановилась.

— Когда началось?

— После того как попыталась прочесть накладную на поставку бумаги.

Рен вспомнила условие, спрятанное в письме.

Прочитать первые слова.

Ответить.

Замкнуть связь.

— На документе был капкан? — спросила она.

— Проверяют.

Начальник стражи подал Вейл, вышедшей навстречу из коридора, маленький запечатанный пакет.

— Удалось сохранить то, что она написала перед осмотром.

Профессор раскрыла пакет.

Внутри лежал клочок бумаги. Почерк был неровный, словно руку сводило.

Всего три слова:

«Не нижний лист».

Рен посмотрела на Аду.

Они весь день проверяли то, что находилось под подпи-

сю.

Вейл медленно перевернула записку.

На обороте ничего не было.

Марвенна достала из сумки старую папку с зелёной лентой.

— Покажите мне бумагу, на которой вы пишете копии, — сказала она. — Чистую. Из той пачки, которой пользовались сегодня.

Домашние задания

Для адепки. Проверь распоряжение с ректорской печатью по независимому источнику. Объясни, почему подлинность печати не завершает проверку подписи.

Для читателя. Составь хронологию доставки распоряжения. Отдельно отметь установленные факты и предположения о подделке.

Глава 10. Чистый лист

«Пустая страница тоже имеет края, происхождение и владельца. Проверяй её прежде, чем доверить ей своё слово».

Из Свода второго курса

Вейл не сразу достала бумагу.

Она посмотрела на свой стол. На нём лежали копии, объяснения, заметки о времени вызовов. За последние сутки она написала больше, чем обычно за неделю занятий.

— На какой именно?

— На той, которая была в кабинете до начала проверки,

— сказала Марвенна.

Профессор открыла нижний ящик.

Там хранилась стопка плотных белых листов, перевязанных шнуром. Вейл сняла верхний и положила перед Марвенной.

Та не прикоснулась к нему.

— А теперь принесите лист из студенческой тетради.

Рен достала свою.

На обложке в углу было жирное пятно: летом она занималась переплётom на кухонном столе, где мать только что нарезала сыр. Раньше Рен прятала этот угол под ладонью.

Сегодня положила тетрадь открыто.

Марвенна посмотрела на ровные швы возле корешка.

— Сами собирали?

— С матерью.

— Где брали бумагу?

— В городской лавке. Большими листами. Дома разрезали.

Марвенна кивнула.

— Можно отделить страницу?

Рен осторожно вытянула нитку из середины тетради и вынула сложенный лист.

Ада взяла со стола нож для бумаги.

— Разрезать?

— Пока не нужно.

Марвенна достала из своей папки маленький конверт.

Внутри лежала щепотка серого порошка.

Вейл придержала её руку.

— Что это?

— Размолотый грифель с солью. Покажет, где бумага принимает след.

Профессор отпустила запястье.

Марвенна рассыпала порошок над обоими листами и качнула столешницу лёгким прикосновением.

На странице Рен порошок собрался возле сгиба и швов.

На бумаге из ящика проступила ровная рамка.

Внутри рамки — тонкая сетка.

Вейл наклонилась.

— Этот лист не переводной.

— Нет, — сказала Марвенна. — Он приёмный.

Ада посмотрела на уже исписанные копии.

— Принимает что?

Марвенна провела пальцем над рамкой, не касаясь бумаги.

— Изменения. Такие листы использовали для общей ведомости. Писарь вносил запись, а в другом помещении появлялась та же строка. Экономили время на доставке.

Рен почувствовала, как стянуло кожу на плечах.

Они сами переписали все найденные документы.

Время нападений.

Имена свидетелей.

То, что собирались проверять дальше.

— Мы всё им отправили, — сказала Ада.

Вейл закрыла ящик.

— Возможно. Сначала установим, с чем соединены листы.

Марвенна посмотрела на неё.

— Да. Вы правы.

Рен заметила, как трудно бабушке дались эти слова. Ещё летом Марвенна обычно говорила, что делать, прежде, чем кто-то успевал задать вопрос.

Сейчас она отодвинула руки и ждала.

Для проверки принесли бумагу из трёх мест: учебной канцелярии, стражи и кухни.

Повариха прислала кусок обёрточного листа с мукой на краю.

Начальник стражи сам принёс служебную тетрадь.

Приёмная сетка обнаружилась только на канцелярской бумаге и на стопке Вейл.

— Записи стражи чистые, — сказала профессор.

Ада выдохнула.

Значит, не всё.

Вейл вынула документы из папок, разделила по происхождению и попросила начальника стражи записать результаты в его тетрадь. Копии с сеткой положили на пустой поднос.

Марвенна достала из сумки собственные бумаги.

— Мои проверяйте тоже.

На старом охранном полномочии сетки не было. На уведомлении о прекращении — тоже.

Зато подтверждение приёма, выданное канцелярией летом, засветилось по краям.

Марвенна долго смотрела на него.

— Поэтому они знали, что я пыталась отменить полномочие.

— И когда, — добавила Рен.

Вейл положила рядом лист с поддельной ректорской подписью.

— Здесь два разных устройства. Перенос подписи меняет обязательство. Приёмная бумага сообщает, что мы обнаружили. Не будем считать их одной связью.

Начальник стражи записал.

Марвенна попросила обычное перо.

На странице из тетради Рен она нарисовала четыре узких

прямоугольника и соединила их линиями.

— В бумаге должен оставаться адрес. Иначе запись не найдёт второй лист.

— Где? — спросила Ада.

— Обычно в краевой вязи.

Вейл взяла увеличительное стекло.

Рен следила, как профессор медленно двигает его вдоль рамки.

На одном участке сетка была гуще.

Там, между почти невидимыми линиями, проступили цифры.

Начальник стражи поднёс фонарь.

— Складской номер?

Марвенна покачала головой.

— Приёмный стол. Семнадцать.

Вейл взглянула на дверь.

— В учебной канцелярии столов двенадцать.

— В архивной — восемнадцать, — сказал начальник стражи.

Он закрыл тетрадь.

На этот раз никто не предложил девушкам бежать впереди.

Стражник вышел отдавать распоряжения.

Севрин доставили в кабинет на кресле с колёсами.

Лекарь настоял, чтобы она не пыталась говорить. Женщина держала подбородок опущенным, будто каждое движение

шей причиняло боль.

Увидев Марвенну, она сразу отвернулась.

Ада заметила это.

Рен тоже.

Вейл поставила перед Севрин чистую доску и мел.

— Можете написать коротко?

Та кивнула.

Рука дрожала. Мел сломался на первом слове.

Лекарь подал новый.

Севрин написала:

«На пачке была инструкция».

— Какая? — спросила Вейл.

«Перевод подписи. Нижняя копия».

Марвенна положила перед ней лист с приёмной сеткой.

— Об этом знали?

Севрин посмотрела.

Потом покачала головой.

Ада шагнула ближе.

— А про регистрацию Рен знали? Про передачу права на изоляцию?

Лекарь поднял руку, но Севрин уже взяла мел.

«Старое полномочие».

Ада стиснула губы.

— Там убрали границу действия.

Севрин закрыла глаза.

Некоторое время доска оставалась пустой.

Потом она написала:

«Мне велели закончить регистрацию».

— Кто? — спросила Вейл.

Мел остановился.

Рен увидела, как побелели пальцы женщины.

Лекарь сразу наклонился к ней.

— Не продолжайте.

Севрин попыталась дописать. На шее выступила тонкая серая полоска.

Марвенна поднялась.

— Здесь условие на раскрытие имени.

Вейл убрала доску.

— Тогда обойдёмся без имени.

Севрин посмотрела на неё почти с удивлением.

— Нам нужны место, время и способ передачи распоряжения. Не нарушайте условие. Покажите, где получили документ.

Профессор разложила план Академии.

Севрин некоторое время водила рукой над ним.

Потом поставила точку.

Архивная канцелярия.

Северная стена.

Стол семнадцать.

Пока стража проверяла архив, Вейл настояла на перерыве.

Ада принесла хлеб из кухонного свёртка. Рен налила воду. Марвенна сидела возле окна, держа на коленях папку с

зелёной лентой.

В комнате остались только они трое.

Севрин увезли к лекарю. Профессор вышла встретить посылного.

— Я хочу посмотреть перечень, — сказала Рен.

Марвенна сразу открыла папку.

Передала лист.

В нём было семь документов.

Два охранных полномочия.

Три уведомления.

Решение о сокрытии родовой записи.

Отдельное обязательство самой Марвенны.

Рен прочла последний пункт дважды.

— Какое обязательство?

Бабушка достала старый лист.

Угол был стёрт от частого разворачивания.

— Сохранить сведения о вашем происхождении до прекращения угрозы.

Ада подошла к столу.

— До прекращения угрозы? Она ведь не прекратилась.

— Да.

— Значит, ты нарушила?

Марвенна посмотрела на обеих.

— Я заявила, что условие нельзя исполнять, если оно лишает вас возможности защищаться. Это спорное решение. Его ещё рассматривают.

Рен медленно положила перечень.

— Поэтому ты летом не хотела отвечать на некоторые вопросы?

— Иногда. Иногда потому, что привыкла решать, сколько вам достаточно знать.

Марвенна провела ладонью по старому документу.

— Вторую причину нельзя списать на печать.

Ада села рядом.

Некоторое время они молчали.

Потом Рен спросила:

— Ты теперь собираешься остаться?

— Пока вы согласны. И пока нужны документы.

— Документы нужны, — сказала Рен. — А жить мы будем отдельно.

Марвенна кивнула.

Не сразу. Но без возражений.

Ада отломил кусок хлеба.

— И мы будем приходить сами.

— Хорошо.

За окном в желобе вспорхнул воробей. С карниза сорвалась вода.

Рен взяла хлеб.

Впервые с приезда Марвенны ей не хотелось следить за каждым её движением.

Начальник стражи вернулся под вечер.

Он принёс деревянный лоток, накрытый тканью.

На ткани стояла восковая отметка о вскрытии архивного стола.

Вейл прочла акт.

— Человек?

— Не найден. За столом сегодня никто не числился. Но устройство работало.

Он снял ткань.

В лотке лежал толстый лист бумаги, сложенный гармошкой.

На нём были их записи.

Не все целиком — только новые строки, исправления, время, имена.

Рен узнала собственный почерк.

Ада — фразу о ночёвке у Вейл.

Профессор провела взглядом ниже.

Последняя запись была сделана другой рукой:

«Передачу материалов остановить. Источник обнаружен».

Чернила ещё блестели.

— Когда вы вошли? — спросила она.

— В шестнадцать сорок.

Вейл посмотрела на часы.

Сейчас было семнадцать двенадцать.

— Стол опечатан?

— Да. Сам лист изъят. Остальная бумага осталась под наблюдением.

Гримуар раскрылся возле Рен.

На странице появилось:

«Формула №205. Немой лист».

Рен поднесла книгу профессору.

«Что написано здесь — здесь и лежит.

Чужой странице не повторять.

Руку хранить, след сохранять.

Без моего решения не передавать».

Вейл прочла.

— Применим к остаткам нашей пачки. Приёмный лист уже сохранён. Теперь канал можно закрыть.

По её указанию Рен положила чистую страницу с сеткой отдельно от доказательств.

Назвала её: бумага из кабинета Вейл, предназначенная для личной записи.

Затем прочла формулу.

Сетка потемнела.

На мгновение от края к краю пробежала тонкая волна, как по ткани, которую встряхнули.

Потом рамка распалась.

Начальник стражи одновременно посмотрел на изъятый лист.

Новая строка не появилась.

Вейл написала на очищенной бумаге:

«Проверка завершена».

Они ждали.

Приёмный лист оставался неподвижным.

Ада выдохнула.

— Закрыли?

— Эту связь — да, — сказала профессор.

Она подписала акт и передала его стражнику.

На этот раз на проверенной бумаге.

В южное крыло девушки перешли уже после ужина.

Новая комната была меньше. Один стол, зато длинный.

Две лампы. Простая дверь с тяжёлым железным ключом.

Рен положила ключ между ними.

Ада переставила лампы так, чтобы каждая освещала свою половину.

— Столы всё-таки одинаковые, — сказала она.

— Стол один.

— Половины одинаковые.

Рен улыбнулась.

Они разложили тетради.

Гримуар открылся на Свитке второго курса и впервые за два дня показал обычную учебную страницу.

«Ментальные капканы. Урок второй».

Ни вызова, ни предупреждения.

Под названием стояло задание:

«Запишите мысль, которая заставляет вас снова и снова

возвращаться к одному действию».

Ада взяла перо.

Рен некоторое время смотрела на пустой лист.

Потом написала:

«Если я проверю ещё раз, станет безопасно».

Через стол Ада медленно вывела:

«Если я буду всё время рядом, с Рен ничего не случится».

Они обменялись листами.

И долго не произносили ни слова.

Домашние задания

Для адепки. Сравни чистый лист и безопасный лист. Предложи способ проверки бумаги, не добавляя к ней личного голоса или подписи.

Для читателя. Прочитай записи Ады и Рен о повторной проверке. Чем желание защитить близкого отличается от стремления исключить любую неопределённость?

Глава 11. Мысль, которая возвращается

«Не всякая повторяющаяся мысль — капкан. Но капкан охотно пользуется той мыслью, которую ты уже привыкла слушать».

Из Свода второго курса

Ада первой вернула лист.

Положила его возле руки Рен и некоторое время смотрела на написанную фразу.

«Если я проверю ещё раз, станет безопасно».

— Я не знала, что ты проверяешь.

Рен взяла бумагу.

— Я тоже сначала не замечала.

— Что именно?

— Замок. Пропуск. Письма. Иногда одно и то же.

Ада посмотрела на ключ между лампами.

Рен перед сном уже дважды подходила к двери. Первый раз заперла. Второй — убедилась, что заперла.

— Я сегодня проверила, ушла ли ты с Вейл, — сказала Ада. — Спросила у служителя. Потом всё равно поднялась на этаж.

— Ты мне не говорила.

— Ничего ведь не случилось.

Она осеклась.

Обе услышали, как это прозвучало.

Рен сложила лист, но не убрала в тетрадь.

— Хорошо, что мы написали.

Ада кивнула.

Потом потянулась через стол, коснулась её пальцев и спросила:

— Так можно?

Рен сжала её руку.

— Так можно.

В эту ночь они не ложились в одежде.

Рен убрала пропуск в ящик, закрыла дверь обычным ключом и оставила его на столе. Ада сняла дорожный плащ с изголовья.

Но прежде чем погасить лампу, обе посмотрели на дверь.

Утром Академия пахла поджаренным хлебом.

Из кухни тянуло корицей; где-то пролили молоко, и служительница ворчала на первокурсниц, которые пытались отвести лужу заклинанием вместо того, чтобы принести тряпку.

Рен остановилась у лестницы, пропуская девушек с ведром.

На доске объявлений висела новая бумага.

«До окончания проверки запрещено использование переводных листов и служебных зеркал вне утверждённых помещений».

Внизу было указано, где можно получить проверенные тетради.

Ада прочла объявление целиком.

— Хоть это сделали.

— И не про нас, — сказала Рен.

Теперь проверяли систему, а не только их способность отвечать на вопросы.

У аудитории стояла Элиса.

Она держала пачку чистых листов, перевязанных красной ниткой.

— Мне разрешили вернуться на занятия, — сказала она.

— Пропуск?

— Новый. Без старой связи. Вчера проверяли при мне.

Она показала жетон, но не выпустила его из рук.

Ада заметила это и не попросила посмотреть ближе.

Корделия подошла последней.

На этот раз без папки.

— Мать отправила жалобу на ограничение допуска, — сказала она. — Письменно. Обычной почтой.

— Помогло? — спросила Рен.

— Пока пришло подтверждение, что жалобу получили. На проверенной бумаге.

Корделия чуть усмехнулась.

— Теперь мне даже уведомления приходится разглядывать с двух сторон.

Вейл открыла дверь аудитории.

— Сегодня достаточно посмотреть с одной. Но внимательно.

На кафедре стояло шесть небольших деревянных ящичков. Каждый был закрыт крышкой. Рядом лежали металлические кольца, куски шнура и карточки с номерами.

Зеркал не было.

Рен почувствовала облегчение.

Вейл дождалась, пока все сядут.

— Ментальный капкан не обязательно заставляет вас думать чужую мысль. Чаще он удерживает уже знакомую.

Она написала на доске:

«ПРОВЕРЬ ЕЩЁ РАЗ».

Рен выпрямилась.

Ада посмотрела на неё и сразу отвела взгляд, чтобы не привлекать внимания.

— Эта фраза иногда полезна, — продолжила Вейл. — Вы проверяете расчёт, прежде чем открыть защитный круг. Проверяете дверь, прежде чем уйти. Но если действие больше не сообщает ничего нового, а вы всё равно не можете закончить, требуется разбор.

Профессор открыла первый ящик.

Внутри лежало серебряное кольцо.

— Задача простая. Откройте крышку, убедитесь, что предмет на месте, закройте и отойдите. Никаких заклинаний.

На каждом столе появилась маленькая карточка:

«ОДИН ОСМОТР».

— В трёх ящиках есть слабая учебная вязь, — сказала Вейл. — Она вызовет желание проверить ещё раз. Не будет боли, провалов памяти или принуждения к речи. Если упражнение неприятно, положите карточку лицом вниз. Я остановлю его.

Она показала, где находится знак прекращения на каждом ящике.

Рен внимательно осмотрела свой.

Внутри лежал шнур, завязанный узлом.

Она открыла крышку, увидела узел, закрыла.

Всё.

Рука осталась на дереве.

А вдруг шнур лежал иначе?

Она убрала ладонь.

Потом подумала: разве она действительно посмотрела на узел? Возможно, только заметила шнур.

Пальцы снова потянулись к крышке.

Рен перевернула карточку.

Вейл подошла сразу.

Коснулась знака прекращения.

Желание не исчезло мгновенно. Но перестало нарастать.

— Что хотели узнать при втором осмотре? — спросила профессор.

Рен посмотрела на ящик.

— Правильно ли я увидела узел.

— А что означало «правильно»?

Она не смогла ответить.

Вейл кивнула.

— Вопрос возник после завершённого действия и не имел условия окончания. Хорошо, что остановились.

Рен ожидала, что профессор попросит попробовать снова.

Но та унесла ящик.

— Пока наблюдайте за другими.

У Ады внутри лежала маленькая медная скоба.

Она открыла, закрыла и сразу отодвинула ящик.

Вейл прошла мимо.

Ада проводила её взглядом.

Потом посмотрела на Рен.

Та сидела без задания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.